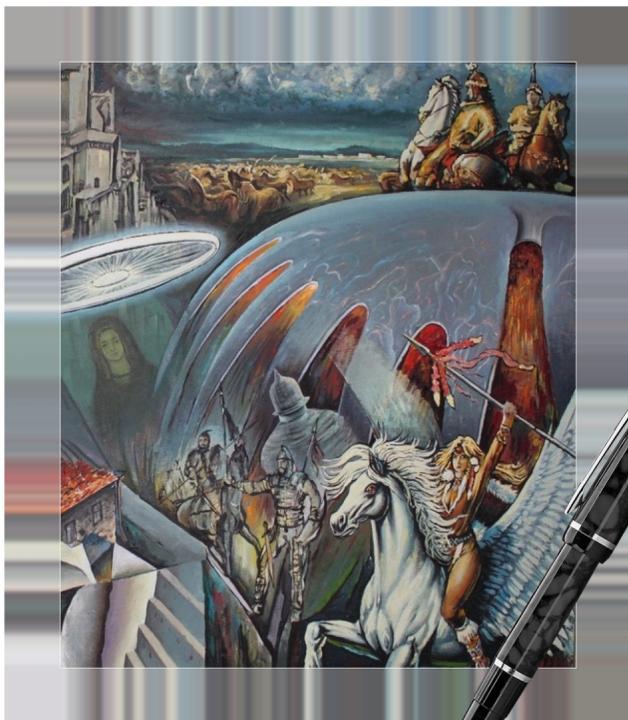

ЛАЙТ-ФОНД АЦАМАЗ АРТ
Виктор и Марина Харебовы

*Сияющие миры
Ацмаза Харебова*

Искусство, миф и вечность

ВИКТОР ХАРЕБОВ
МАРИНА ХАРЕБОВА

СИЯЮЩИЕ МИРЫ АЦАМАЗА ХАРЕБОВА

Искусство, миф и вечность

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 7
ББК 37.94
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харевов Виктор

X20 Сияющие миры Ацамаза Харебова : Искусство, миф и вечность / Виктор Харевов, Марина Харебова. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 124 с.
ISBN 978-5-0068-2466-9 (т. 2)
ISBN 978-5-0068-2465-2

Картины Ацамаза Харебова раскрываются как диалог искусства с мифами и культурой. В них слово и образ открывают вечные темы памяти, легенды и истории, превращаясь в размышление о том, как художественное видение соединяет земное и небесное.

The paintings of Atsamaz Kharebov unfold as a dialogue between art, myth, and culture. In them, word and image reveal timeless themes of memory, legend, and history, becoming a meditation on how artistic vision unites the earthly and the celestial.

**УДК 7
ББК 37.94**

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0068-2466-9
ISBN 978-5-0068-2465-2

© Виктор Харевов, 2025
© Марина Харебова, 2025
© Ацамаз Харевов, иллюстрации, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое погружение было обращено внутрь – к философии, памяти, тихим глубинам личного опыта. Картины открывались как зеркала духа, отражающие внутренние движения мысли и чувства.

Теперь перед нами иное измерение. Художник вступает в диалог не только с самим собой, но и с миром вокруг – с мифом и эпосом, с природой и ее вечным дыханием, с памятью народа и с архетипами человечества.

На этих страницах оживает нартский эпос – древняя поэма о героях, чьи подвиги стали символами не только для осетин, но и для всего человечества. Древние образы соединяются с современными смыслами, показывая, что миф никогда не уходит в прошлое, а продолжает жить в каждом времени.

Рядом с героями преданий раскрываются иные пейзажи: горы Осетии, утренние туманы, таинственные камни и леса, а также берега Крыма, где закаты и грозы становятся философскими видениями.

Берега Крыма хранят память о черноморских скифах – ираноязычном народе, чья культура и язык связаны с теми же истоками, что питают и осетинский этнос. Через сарматов и аланов эта нить дошла до наших дней, и потому картины художника словно подсказывают: все в мире

связано невидимыми корнями. Мифы, народы и культуры не исчезают бесследно, но продолжают жить в новых формах, в новых голосах, в новых временах.

Художник как будто открывает перед нами истину: история не идет ровной дорогой, а движется по спирали. Каждое возвращение к мифу и к древним культурам — это не шаг назад, а новый виток, в котором прошлое раскрывается в ином свете. И в этом свете мы узнаем самих себя — как наследников, как продолжателей, как тех, кто несет древние корни в будущее.

Природа у Ацамаза — не фон и не украшение, а равноправный собеседник: она хранит тайну бытия, так же как миф хранит тайну памяти.

Эта книга — о встречах. О встречах с героями эпоса и с тишиной горных дорог, с шумом морских волн и с голосами древних преданий. Картины становятся мостами: между человеком и землей, между настоящим и вечностью, между личным воспоминанием и коллективной судьбой.

Мы приглашаем читателя продолжить путь — путь, который начинается в сердце художника и проходит через мифы, пейзажи и философию, чтобы снова вернуться к самому человеку. Этот путь — продолжение диалога, начатого прежде, но теперь он расширяется: становится полифонией голосов, в которой слышны и легенды предков, и дыхание природы, и вопросы вечности.

— — — — —

The first journey was directed inward — toward philosophy, memory, the quiet depths of personal experience. The paintings unfolded as mirrors of the spirit, reflecting the inner movements of thought and feeling.

Now another dimension opens before us. The artist enters into dialogue not only with himself but with the world around him — with myth and epic, with nature and its

eternal breath, with the memory of a people and the archetypes of humanity.

On these pages the Nart epic comes alive – an ancient poem of heroes whose deeds became symbols not only for the Ossetians but for all humankind. Ancient images merge with contemporary meanings, revealing that myth never belongs solely to the past but continues to live within every age.

Alongside the heroes of legend arise new landscapes: the mountains of Ossetia, morning mists, mysterious stones and forests, as well as the shores of Crimea, where sunsets and storms become philosophical visions.

The shores of Crimea preserve the memory of the Black Sea Scythians – an Iranian-speaking people whose culture and language share the same origins that nourish the Ossetian ethnos. Through the Sarmatians and the Alans this thread has reached our days, and thus the artist's paintings seem to suggest that everything in the world is bound by invisible roots. Myths, peoples, and cultures do not vanish without a trace but continue to live in new forms, in new voices, in new times.

The artist seems to reveal a truth: history does not move along a straight road but unfolds in spirals. Every return to myth and to ancient cultures is not a step backward but a new turn, where the past discloses itself in a different light. And in that light we recognize ourselves – as heirs, as continuators, as those who carry the ancient roots into the future.

In Atsamaz's art, nature is not a background or decoration, but an equal interlocutor: it guards the mystery of existence just as myth guards the mystery of memory.

This book is about encounters. Encounters with the heroes of the epic and the silence of mountain roads, with the roar of sea waves and the voices of ancient traditions. The paintings become bridges: between man and the earth,

between the present and eternity, between personal remembrance and collective destiny.

We invite the reader to continue the journey – a path that begins in the heart of the artist and passes through myths, landscapes, and philosophy, only to return once more to the human being. It is a continuation of the dialogue begun earlier, now expanding into a polyphony of voices, where one hears the legends of ancestors, the breath of nature, and the questions of eternity.

НАРТСКИЙ ЭПОС И СОВРЕМЕННОСТЬ

Нартский эпос – это сердце осетинской культуры, ее живая память и бесконечный источник образов. Он возник в глубокой древности, когда народ искал ответы на вечные вопросы: что есть сила и справедливость, где граница между подвигом и жертвой, между гордостью и смирением? Эти вопросы остаются актуальными и сегодня, и потому эпос никогда не стареет.

В образах нартов мы видим не только героев прошлого, но и архетипы человечества. Сослан – это мужество и трагическая судьба; Батрадз – олицетворение ярости и очищающего огня; Уастырджи – защитник справедливости и вождь, ведущий сквозь испытания. Каждый герой – это символ, который продолжает жить и в современном человеке.

Ацамаз Харебов обращается к эпосу не как к далекому преданию, а как к живой реальности. Его картины делают миф осязаемым: мы видим не музейные тени, а силы, которые движут миром и человеком. Герои эпоса в его живописи обретают новые формы – то метафизические, то символические, то почти абстрактные. В этом есть глубина: миф не принадлежит только прошлому, он принадлежит вечности.

Современность в картинах Ацамаза встречается с древностью так же естественно, как река соединяется с морем. Эпос становится зеркалом, в котором человек XXI века узнает свои собственные тревоги и надежды. Что значит быть сильным? Что значит оставаться человеком в мире, полном хаоса и разрушений? Эти вопросы звучат в нартах, и они же звучат в нас.

В этом очерке — главное напоминание: культура не живет архивами, она живет в творчестве. Нартский эпос — не книга на полке, а дыхание, которое продолжается в картинах, в музыке, в словах. И пока художник обращается к мифу, миф становится современностью.

Картины Ацамаза — это продолжение Нартиады в цвете и свете. Это новые страницы древней поэмы, написанные не словами, а мазками кисти. И, может быть, именно так эпос остается живым: он проходит сквозь века, чтобы каждый раз возвращаться к нам в новых образах, в новых голосах, в новых откровениях.

The Nart epic is the heart of Ossetian culture, its living memory and an inexhaustible source of imagery. It arose in deep antiquity, when people sought answers to eternal questions: What is strength and what is justice? Where lies the boundary between heroism and sacrifice, between pride and humility? These questions remain relevant today, and thus the epic never grows old.

In the figures of the Narts we see not only heroes of the past, but also archetypes of humanity. Soslan embodies courage and tragic fate; Batraz represents fury and the fire of purification; Uastyrdzhi is the protector of justice, the leader guiding through trials. Each hero is a symbol that continues to live within the modern human being.

Atsamaz Kharebov turns to the epic not as a distant legend, but as a living reality. His paintings make myth

tangible: we see not museum shadows, but forces that move both the world and the human soul. The heroes of the epic in his art take on new forms – sometimes metaphysical, sometimes symbolic, at times almost abstract. There is depth in this: myth does not belong solely to the past; it belongs to eternity.

In Atsamaz's canvases, modernity meets antiquity as naturally as a river joins the sea. The epic becomes a mirror in which a person of the 21st century recognizes their own anxieties and hopes. What does it mean to be strong? What does it mean to remain human in a world filled with chaos and destruction? These questions echo through the Narts, and they echo within us.

This essay reminds us of one essential truth: culture does not live in archives; it lives in creativity. The Nart epic is not a book on a shelf but a breath that continues in painting, in music, in the spoken word. And as long as the artist turns to myth, the myth itself becomes modern.

The paintings of Atsamaz are a continuation of the Nartiad in color and light. They are new pages of the ancient poem, written not with words but with brushstrokes. And perhaps this is how the epic remains alive: it passes through centuries in order to return to us again and again – in new images, in new voices, in new revelations.

РАЗДЕЛ I. ПЕЙЗАЖИ ОСЕТИИ

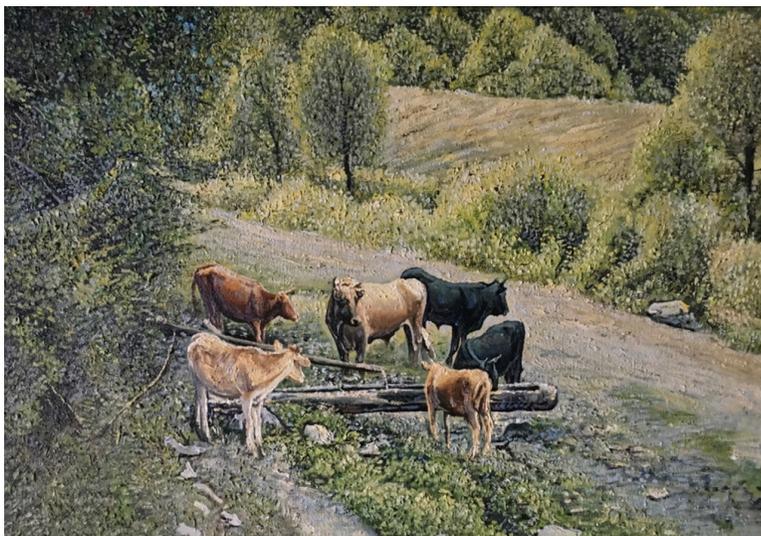
СЕЛО БОРДЖНИС, У ВОДОПОЯ / THE VILLAGE OF BORDJNIS, AT THE WATERING PLACE

Живое тянется к воде, как душа к истоку

На лесной опушке, где дорога сливается с травой, собрались у водопоя Борджнис — коровы, хранительницы тихой и трудной жизни. Их мир прост и ясен: свет солнца, прохлада воды, ритм дня, который течет без спешки. Но в этом простом — мудрость вечности.

Вода отражает небо и деревья, и в ее блеске можно увидеть не только лица животных, но и вечный порядок природы. Все живое приходит к источнику, чтобы напиться и продолжить путь. Так и человек, утомленный дорогами, ищет места, где душа обретает силу и покой.

Эти коровы словно часть большого хора, где каждый голос — напоминание о единстве всего сущего. Их присутствие у воды говорит: жизнь продолжается, она течет, как

Село Борджнис, у водопоя (худ. Ацамаз Харебов)
The Village of Bordjnis, at the Watering Place (art by Atsamaz Kharebov)

эта река времени, и все в ней связано — дыхание деревьев, свет небес, шаги путников, тягучее мычание, раздающееся в тишине.

Картина учит нас видеть в простом — вечное. Там, где животные пьют воду, человек может научиться пить тишину, насыщаться спокойствием и возвращать себе равновесие.

Ведь у каждого есть свой водопой — не только источник для тела, но и для духа. И приходя к нему, мы наполняемся силой, чтобы идти дальше дорогами жизни.

All living things turn to water, as the soul turns
to its source

On the forest edge, where the path blends with the grass, the Bordzhnis – the cows, guardians of quiet and humble life – have gathered at the watering place. Their world is simple and clear: the sun's light, the coolness of water, the rhythm of a day flowing without haste. Yet within this simplicity lies the wisdom of eternity.

The water reflects the sky and the trees, and in its shimmering surface one can glimpse not only the faces of the animals but also the eternal order of nature. All living beings come to the source to drink and to continue their journey. So too does a human, weary of the roads, seek his own «watering places» – places where the soul regains strength and peace.

These cows seem like part of a great choir, where every voice is a reminder of the unity of all existence. Their presence at the water speaks quietly: life continues, it flows like this river of time, and all within it is connected – the breath of the trees, the light of the heavens, the footsteps of wanderers, and the deep lowing that lingers in silence.

The painting teaches us to see the eternal in the simple. Where the animals drink water, man may learn to drink silence, to nourish himself with peace, and to restore his balance.

For each of us has our own watering place – not only a source for the body, but also for the spirit. And when we come to it, we are filled with strength to walk further along the roads of life.

ОСЕНЬ / AUTUMN

На картине перед нами простая улица, покрытая ковром из упавших листьев. Желтое, красное, охристое сплетается в живой узор, который земля принимает, словно благодарный дар уходящего времени. Дома стоят спокойно, чуть устало, а деревья, разметав ветви, все еще хранят в себе золотое сияние. Над этим тихим пейзажем висит прохладное небо, приглушенное, но не мрачное: оно несет свет равновесия, а не тьмы.

«Осень» здесь — не просто сезон природы, это метафора человеческой жизни. В каждом ее цвете читается зрелость, в каждом листе — история прожитого. Красные пятна листвы — это страсти и чувства, пережитые нами; желтые кроны — мудрость опыта; тени серого — те утраты и тишины, что неизбежно приходят с годами. Но все это складывается в гармонию, а не в разрушение.

Улица на картине пустынна. И именно в этой пустоте есть особое значение: она дает возможность услышать собственные шаги, собственное дыхание. Это не одиночество, а внутренний диалог. Осень всегда зовет нас к размышлению: о том, что пройдено, что оставлено позади, и о том, что все еще впереди.

Свет в картине льется мягко, словно говорит: конец не всегда есть утрата. Иногда конец — это только новая форма существования. Листья умирают, но в их падении есть красота, а в их разложении — обещание новой весны. Так и человеческая жизнь: каждое завершение в ней есть подготовка к новому началу, к иному кругу.

Эта работа напоминает: истинная сила осени — не в ее убывании, а в ее спокойной полноте. Она учит нас принимать перемены не как потерю, а как переход. «Осень» —

Осень (худ. Ацамаз Харебов)
Autumn (art by Atsamaz Kharebov)

это не только уход, это время собрать в себе свет прожитого и сохранить его в сердце.

In this painting, we see a simple street covered with a carpet of fallen leaves. Yellow, red, and ochre weave into a living pattern that the earth receives as a grateful gift from passing time. The houses stand quietly, somewhat weary, and the trees, though half-bare, still carry a golden glow within their branches. Above this quiet scene stretches a cool sky – subdued, yet not dark, bearing the light of balance rather than of sorrow.

Here «Autumn» is not merely a season of nature, but

a metaphor for human life. In every color we read maturity, in every fallen leaf – the story of what has been lived. The red patches of foliage are the passions and emotions we have endured; the golden crowns are the wisdom of experience; the gray shadows are the losses and silences that inevitably come with time. Yet all these elements merge into harmony, not destruction.

The street in the painting is empty. And it is within this emptiness that meaning arises: it allows us to hear our own footsteps, our own breath. This is not loneliness but inner dialogue. Autumn always calls us to reflection: on what has been walked, what has been left behind, and what still lies ahead.

The light in the painting pours gently, as if to say: an ending is not always a loss. Sometimes an ending is simply a new form of being. Leaves fall, but in their descent there is beauty, and in their decay lies the promise of spring. So it is with human life: every conclusion is a preparation for another beginning, another cycle.

This work reminds us: the true power of autumn lies not in its decline but in its serene fullness. It teaches us to accept change not as loss, but as transition. «*Autumn*» is not merely departure – it is the time to gather the light of what has been lived and preserve it in the heart.

ОСЕНЬ В ГОРАХ / AUTUMN IN THE MOUNTAINS

В горах осень приходит не как внезапный взрыв, а как медленное дыхание времени. Здесь, среди вечных вершин, она разворачивает свои краски торжественно и мудро, словно древний храмовый обряд. Золотые кроны деревьев загораются мягким светом, красные и багряные акценты вплетаются в зелень, и все это напоминает ткань, сотканную самой природой.

Эта картина передает особое чувство тишины и величия. Осень в горах — это не только смена сезона, но и напоминание о круговороте бытия. Каждое дерево здесь словно свидетельствует о времени: зеленые ветви говорят о прошлом лете, золотые листья о настоящем, а опавшие тени на земле — о неизбежном будущем.

Горы на горизонте, уходящие в синеву, кажутся вечными и неподвижными. Но именно на их фоне особенно ясно ощущаешь быстротечность жизни. Природа учит нас: все проходит, все меняется, но в этом изменении — глубинная красота. Осень не разрушает лето, а завершает его, превращая зелень в золото, юность — в зрелость, мгновение — в вечность.

Небо, полное облаков, словно зеркало человеческой души: то прозрачное и светлое, то затянутое серыми тенями. И все же сквозь облака пробивается свет, освещая землю мягким сиянием. Это символ надежды: даже в уходе и увядании есть своя красота, даже в прощании есть обещание новой встречи.

Эта картина — размышление о внутреннем состоянии человека. Осень в горах напоминает нам о принятии: о том, что жизнь не должна быть вечной весной. Важно уметь радоваться каждому периоду — и бурному цвете-

Осень в горах (худ. Ацамаз Харебов)
Autumn in the Mountains (art by Atsamaz Kharebov)

нию, и спокойному золотому сиянию, и тихому уходу.

В этом — мудрость гор. Они видели бесчисленные осени и знают: каждая из них — не конец, а часть большого круга. Так и человек, всматриваясь в эту картину, чувствует: в его душе тоже есть горы, на склонах которых осень превращает опыт в свет.

In the mountains, autumn does not arrive as a sudden burst but as the slow breathing of time. Here, among eternal peaks, it unfolds its colors solemnly and wisely, like an ancient ritual. Golden crowns of trees glow with gentle light, crimson accents weave into the greenery, and all of it resembles a fabric woven by nature itself.

This painting conveys a sense of silence and grandeur. Autumn in the mountains is not merely a change of season

but a reminder of the cycle of existence. Each tree becomes a witness to time: green branches speak of the past summer, golden leaves of the present moment, and fallen shadows on the ground of the inevitable future.

The mountains on the horizon, fading into blue, seem eternal and unshakable. Yet against their stillness, the fleeting nature of life is felt more keenly. Nature teaches us: everything passes, everything changes, but within this change lies profound beauty. Autumn does not destroy summer – it completes it, turning green into gold, youth into maturity, a moment into eternity.

The sky, filled with clouds, mirrors the human soul: at times clear and luminous, at times veiled in shades of gray. Yet through the clouds the light still breaks, casting a gentle radiance over the land. It is a symbol of hope: even in fading and departure there is beauty, even in farewell there is the promise of return.

This painting becomes a meditation on the human spirit. Autumn in the mountains reminds us of acceptance – that life need not be an endless spring. It is important to rejoice in every stage: the exuberant blooming, the calm golden glow, and the quiet departure.

This is the wisdom of the mountains. They have seen countless autumns and know that each one is not an ending, but part of a greater circle. And so too does a person, gazing upon this work, feel the mountains within their soul, where autumn turns experience into light.

ПЕРВЫЙ СНЕГ / THE FIRST SNOW

В горах первый снег – это всегда чудо. Он ложится не как холодное покрывало, а как светлый знак обновления, обещание нового цикла. На вершинах уже сияет белизна, словно сами небеса спустились на землю и коснулись ее дыханием чистоты.

Эта картина передает момент, когда осень еще не ушла окончательно, но зима уже послала свой вестник. Золотые деревья у подножия напоминают о тепле уходящего времени, о сиянии прожитых дней. А высокие пики, окутанные снегом, словно зовут к иному измерению – туда, где вечность и неподвижность становятся видимыми.

Река, текущая сквозь долину, отражает это соприкосновение времен. В ее водах – и синева ледяного будущего, и отблески осеннего солнца. Она как живая граница, где встречаются два мира: теплый и холодный, земной и небесный, преходящий и вечный.

Особое место занимает в картине маленький домик на скале. Он кажется хрупким перед величием гор, но именно в этой хрупкости – истина человеческого существования. Человек мал по сравнению с природой, но его дом – это точка света, свидетельство того, что душа способна найти свое место даже среди ледяного безмолвия.

«Первый снег» – это метафора начала. Каждая жизнь переживает свои сезоны, и снег на вершинах – напоминание о том, что новые испытания неизбежны. Но снег не только холод: он несет с собой чистоту, он очищает взгляд, он заставляет сердце помнить о том, что за каждым концом скрывается новое начало.

Горы, облаченные в белизну, не только возвышаются – они словно становятся ближе к небесам. И, глядя на них, зритель чувствует: первый снег – это приглаше-

Первый снег (худ. Ацамаз Харебов)
The First Snow (art by Atsamaz Kharebov)

ние к внутреннему восхождению. Это зов тишины, зов к самому себе.

In the mountains, the first snow is always a wonder. It does not fall as a cold shroud, but as a luminous sign of renewal, a promise of the next cycle. The peaks shine in whiteness, as if the heavens themselves descended upon the earth, touching it with the breath of purity.

This painting captures the moment when autumn has not yet departed, but winter has already sent its messenger. The golden trees at the foothills speak of warmth and

radiant days now behind, while the snow-covered summits call to another dimension – a realm where eternity and stillness become visible.

The river flowing through the valley mirrors this encounter of seasons. Within its waters lie both the deep blue of icy futures and the glow of autumn's sun. It is a living boundary where two worlds meet: warm and cold, earthly and celestial, fleeting and eternal.

A small house perched upon the rock draws the eye. Fragile before the grandeur of the mountains, yet in its fragility lies the truth of human existence. Man is small compared to nature, yet his home – his light – testifies that the soul can find its place even in the midst of icy silence.

«First Snow» is a metaphor of beginnings. Every life experiences its own seasons, and the snow upon the peaks is a reminder that new trials are inevitable. Yet snow is not only cold – it is cleansing, it purifies the gaze, it reminds the heart that behind every ending lies a new beginning.

The mountains, clothed in white, do not merely rise higher – they seem closer to the heavens. And as one gazes at them, there is a sense that the first snow is not only a natural event but a call – a call to inner ascent, to silence, to one's true self.

ПО ДОРОГЕ В КВАЙСА / ON THE ROAD TO KVAISA

Счастье — это прозрачный свет лета, разлитый в воздухе

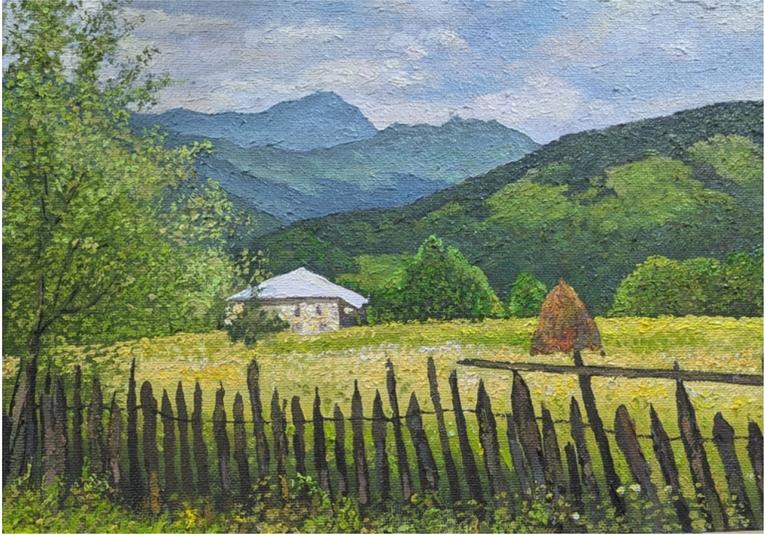
На первый взгляд эта картина кажется простым пейзажем: деревенский забор, дом с белой крышей, скошенное поле и стог сена, горы на заднем плане. Но именно в этой простоте заключена ее сила. В ней — дыхание подлинной жизни, которая хранит в себе память и корни.

Забор, не ровный и строгий, а грубый и живой, словно рассказывает историю человеческих рук, которые его ставили. Это граница и в то же время знак укорененности, простое напоминание: «Здесь — мой дом, моя земля». Дом с белой крышей стоит в центре, как тихий хранитель памяти, как сердце, из которого исходит тепло.

Жаркое лето обнимает все вокруг. Воздух дрожит от зноя, напоенный ароматом скошенной травы. За забором поле — труд, еда, жизнь. Стог сена — знак осени, напоминание о вечном цикле, в котором сменяются времена, но остается неизменной связь человека и природы. В поле слышно жужжание пчел, звенят стрекозы, и этот хор природы превращает тишину дня в незримую музыку.

А горы вдаль — вечные свидетели. Они словно хранят покой и достоинство, возвышаясь над человеческой повседневностью, чтобы напоминать: все приходящее и временное лишь оттеняет вечное. Их линии в дымке зовут за собой, открывая не только дорогу в ущелье, но и дорогу в самого себя.

«По дороге в Квайса» — это не только пейзаж. Это путь, ведущий к душевной ясности. Каждый, кто хотя бы раз шел подобной дорогой — среди трав, деревьев и запа-

По дороге в Квайса (худ. Ацамаз Харебов)
On the Road to Kvaisa (art by Atsamaz Kharebov)

ха свежего сена, знает это чувство: возвращение домой, даже если путь кажется далеким.

Картина дышит ностальгией, но не печалью. Это радостная ностальгия — как память о детстве, когда счастье было прозрачным и легким, растворенным в воздухе. Она напоминает: настоящее богатство — не города и дворцы, а такие простые сцены — горы, поле, забор и тишина деревенского утра.

Это — гимн дому и земле. И пока они живут в сердце, человек не одинок.

Happiness is the transparent light of summer,
dissolved in the air

At first glance, this painting seems like a simple landscape: a village fence, a house with a white roof, a mown field with a haystack, and mountains in the background. Yet it is precisely in this simplicity that its power lies. It carries within it the breath of genuine life, preserving memory and roots.

The fence, uneven and rough, seems to tell the story of the hands that built it. It is a boundary and at the same time a sign of belonging – a quiet reminder: «Here is my home, my land.» The house with the white roof stands at the center, like a silent guardian of memory, like a heart from which warmth flows.

Hot summer embraces everything. The air quivers with heat, heavy with the fragrance of freshly cut grass. Beyond the fence lies the field – symbol of labor, food, and life. The haystack is a sign of autumn, a reminder of the eternal cycle in which the seasons change, yet the bond between man and nature remains unbroken. From the field comes the buzzing of bees, the whir of dragonflies, and this summer chorus turns the stillness of the day into invisible music.

And in the distance, the mountains rise – eternal witnesses. They seem to preserve dignity and peace, towering above human everydayness to remind us: all that is fleeting and temporary only highlights what is eternal. Their hazy outlines beckon, opening not only the road into the valley but also the road into one's own self.

On the Road to Kvaisa is not merely a landscape. It is a path leading toward inner clarity. Anyone who has walked such a road – among grasses, trees, and the scent of fresh hay – knows this feeling: a return home, even when the journey seems long.

The painting breathes nostalgia, but not sorrow. It is a joyful nostalgia – like the memory of childhood, when happiness was transparent and light, dissolved in the air. It reminds us that true wealth is not found in cities and

palaces, but in such simple scenes: mountains, a field, a fence, and the silence of a village morning.

This is a hymn to home and to the land. And as long as they live in the heart, a person is never alone.

ГОРЫ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ / MOUNTAINS OF SOUTH OSSETIA

*Горы – это тишина, которая говорит голосом
вечности*

Есть нечто особое в том, как горы поднимаются к небу. Они не торопятся и не спорят, но стоят, словно сама земля, обретшая голос без слов. Когда смотришь на них, понимаешь: они не просто пейзаж, они – живое напоминание о том, что мир больше наших забот, выше наших тревог и долговечнее наших жизней.

Огромный каменный утес на переднем плане – как сердце этой долины. В его трещинах и складках таится дыхание веков. Он видел больше, чем может вместить человеческая память: рассветы и закаты, грозы и молнии, тени воинов и пастухов, шаги тех, кто проходил по этим склонам и исчезал в вечности. Камень хранит все, но ничего не произносит вслух. Его молчание – это книга, которую каждый читает по-своему.

Горы учат нас смирению. Мы малы перед их величием, и все же в этом малом открывается сила. Человек, глядящий на вершины, сам становится выше, потому что его

мысль поднимается вместе с ними. Здесь нет нужды в словах о преодолении — сам воздух наполнен уроком: поднимайся. Иди. Будь частью движения, которое не знает конца.

И в то же время горы напоминают: путь важнее вершины. Вершина лишь точка, но дорога к ней — это жизнь. Склоны, камни, тропы — все это не препятствия, а учителя. Они говорят: «Не спеши. В каждом шаге уже есть вечность».

Южная Осетия хранит в своих горах не только красоту природы, но и память народа. Эти вершины слышали и песни, и молитвы, и крики битв. Они впитали боль и радость, отчаяние и надежду. И потому они стали символом стойкости: кто родился среди этих гор, носит их силу в сердце.

Смотря на картину, можно почувствовать: горы не просто стоят — они зовут. Зовут выйти за пределы привычного, поднять взгляд выше горизонта, вспомнить, что мы тоже связаны с вечностью. Мы словно слышим их безмолвный урок: человек умирает, но дорога его духа продолжается.

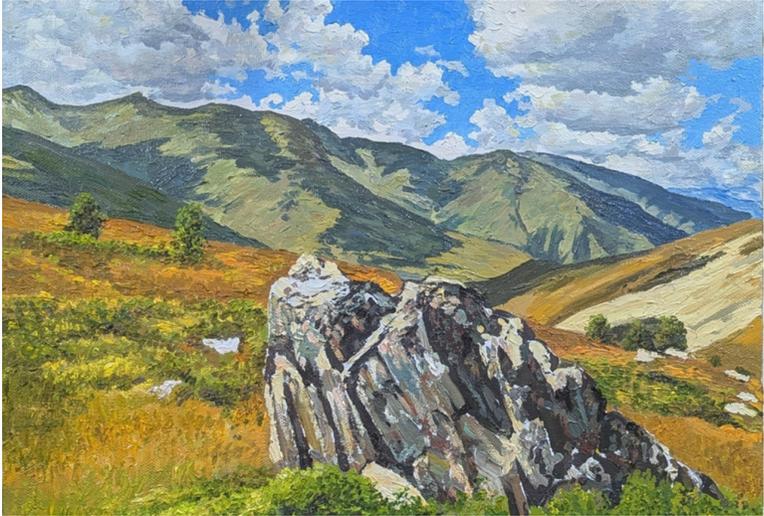
Горы — это зеркало, в котором каждый видит себя. Кто ищет покой, находит покой. Кто ищет силу, обретает силу. Кто ищет смысл, открывает в них вечность.

И, может быть, именно поэтому человек возвращается к горам снова и снова: потому что они напоминают ему о главном — о бесконечности пути, о свете, который всегда выше нас, и о том, что каждый наш шаг по земле есть шаг к небу.

— — — — —

*Mountains are silence that speaks with the voice
of eternity*

There is something unique in the way mountains rise toward the sky. They do not hurry and they do not argue;

Горы Южной Осетии (худ. Ацамаз Харебов)
Mountains of South Ossetia (art by Atsamaz Kharebov)

they simply stand, as if the earth itself had found a voice beyond words. When you look at them, you understand: they are not merely a landscape – they are a living reminder that the world is greater than our worries, higher than our fears, and more enduring than our lives.

The great stone outcrop in the foreground is like the heart of this valley. In its cracks and ridges lies the breath of centuries. It has witnessed more than human memory could ever hold: sunrises and sunsets, storms and lightning, the shadows of warriors and shepherds, the steps of those who once crossed these slopes and then vanished into eternity. The rock holds everything, yet speaks nothing aloud. Its silence is a book, one that each of us reads in our own way.

The mountains teach us humility. We are small before their greatness, and yet in this smallness there is strength.

A person who gazes at the peaks becomes higher himself, for his thought rises with them. There is no need for words of conquest here – the very air carries the lesson: ascend. Walk. Be part of the movement that has no end.

At the same time, the mountains remind us: the path is more important than the summit. The summit is but a point, while the road toward it is life itself. The slopes, the stones, the trails – they are not obstacles, but teachers. They whisper: «Do not hurry. In every step there is already eternity.»

The mountains of South Ossetia preserve not only natural beauty but also the memory of a people. These peaks have heard songs and prayers, the cries of battle, the echoes of grief and joy. They have absorbed despair and hope, and thus they have become a symbol of resilience. Whoever is born among these mountains carries their strength in the heart.

Looking at the painting, one can feel: the mountains do not simply stand – they call. They call us to go beyond the ordinary, to raise our gaze above the horizon, to remember that we too are bound to eternity. Their silent lesson is clear: man may die, but the road of his spirit continues.

The mountains are a mirror in which each person sees himself. Whoever seeks peace finds peace. Whoever seeks strength gains strength. Whoever seeks meaning discovers eternity in them.

And perhaps that is why we return to the mountains again and again: because they remind us of the essential – the infinity of the path, the light that always shines above us, and the truth that every step we take upon the earth is also a step toward the sky.

СЕЛО ЕРМАН, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ / THE VILLAGE OF YERMAN, SOUTH OSSETIA

Камни помнят то, что забывает время

Высоко в горах Южной Осетии, среди склонов и долин, где тишина густеет, словно прозрачный воздух, лежит высокогорное село Ерман. Его древняя башня возвышается над селом, словно хранительница веков. Она кажется частью самой земли: ее каменные стены выросли из недр гор, а ее силуэт вписан в линии облаков.

Башня — это не только сооружение. Она — дыхание времени, которое не умирает. Каждый ее камень был поднят руками предков, вложен с верой в то, что жизнь продолжается, что род и земля имеют свои корни и вершины.

Ветер скользит по ее вершине, солнце касается ее граней, и в этих касаниях оживает диалог веков. Башня молчит, но в ее молчании — больше слов, чем может вместить любая книга. Она говорит о том, что все преходяще, кроме памяти. О том, что народ, переживший испытания, находит в себе силы идти вперед.

Ерман стоит не только как памятник прошлого, но и как ориентир будущего. Она указывает: все, что мы делаем, укладывается в ту же ткань времени, что и камни ее стен. Мы продолжаем ее историю — нашими поступками, словами, жизнью.

Вокруг нее простор и свет. Облака плывут над горами, как мысли о вечном. В этом просторе башня становится не одиночеством, а центром мира: она соединяет землю и небо, людей и духов, время ушедшее и время грядущее.

Село Ерман, Южная Осетия (худ. Ацамаз Харебов)
The Village of Yerman, South Ossetia (art by Atsamaz Kharebov)

И человек, смотрящий на Ерман, может услышать тихий урок: стойкость не в камне, а в духе. Камни могут быть разрушены, но дух, однажды поднявший их ввысь, будет жить вечно.

Башня Ерман – это зеркало для тех, кто ищет свою дорогу. Она напоминает: быть твердым, как ее основание; быть открытым небу, как ее вершина; быть частью земли и в то же время стремиться ввысь. Так человек становится не только путником, но и хранителем, продолжателем великого пути, который связывает поколения в одно целое.

Stones remember what time forgets

High in the mountains of South Ossetia, among the slopes and valleys where silence thickens like transparent air, lies the highland village of Yerman. Rising above it stands its ancient tower, the guardian of centuries. It seems part of the earth itself: its stone walls have grown out of the depths of the mountains, and its silhouette is inscribed into the lines of the clouds.

The tower is not merely a structure. It is the breath of time, which does not die. Every stone was lifted by the hands of ancestors, laid with faith that life continues, that the clan and the land have both their roots and their summits.

The wind glides along its peak, the sun touches its edges, and in these touches the dialogue of centuries comes alive. The tower is silent, yet in its silence there are more words than any book could contain. It speaks of how everything is transient – except memory. It tells of a people who, having endured trials, find within themselves the strength to move forward.

Yerman stands not only as a monument of the past but also as a guidepost for the future. It points to this truth: all that we do is woven into the same fabric of time as the stones of its walls. We continue its story – through our actions, our words, our lives.

Around it stretch vastness and light. Clouds drift over the mountains like thoughts of eternity. And in this vastness the tower becomes not a solitary presence, but a center of the world: it unites earth and sky, people and spirits, time departed and time yet to come.

And the one who gazes upon Yerman may hear a quiet lesson: strength lies not in the stone but in the spirit. Stones may be broken, yet the spirit that once raised them skyward will live forever.

The tower of Yerman is a mirror for those who seek their path. It reminds us: to be firm as its foundation, to be open

to the sky as its summit, to be part of the earth and yet strive upward. Thus a person becomes not only a traveler but also a guardian, a continuer of the great journey that binds generations into one whole.

В ГОРАХ ОСЕТИИ, СЕЛО ЕДИС / IN THE MOUNTAINS OF OSSETIA, THE VILLAGE OF EDIS

В глубине горной долины лежит Едис – высокогорное село Южной Осетии. Его крыши серебрятся на солнце, как звезды, упавшие в травы, а дома тесно прижимаются друг к другу, словно делясь теплом. Рядом струится река, бегущая меж камней, и возвышается древний каменный столп – молчаливый свидетель веков, чье присутствие придает этой земле особую силу.

С первого взгляда Едис кажется маленьким и скромным, но в нем – дыхание вечности. Здесь каждое строение – не просто дом, а продолжение рода, корней, памяти. Камни стен впитали голоса предков, и, подходя к ним, словно слышишь их шепот: жить – значит хранить, строить и передавать дальше.

Лето в селе Едис светлое и чистое. Воздух наполнен ароматом горных трав, перекличкой птиц и журчанием ручьев. Все здесь дышит простотой, и именно в этой простоте рождается ощущение счастья. Человек чувствует себя частью целого: он не возвышается над горами, а живет с ними в согласии, вплетая свой ритм в дыхание природы.

Горы, обнимающие село, — это не стены, а крылья. Они не замыкают пространство, а раскрывают его, давая человеку возможность услышать самого себя. В их тени не страшно — напротив, спокойно. Они напоминают: все земное проходяще, но остается то, что человек вложил в камень и дух.

Древний столп у входа в село словно говорит: сила народа — в памяти и преемственности. Он стоит как символ устойчивости, указывая, что через поколения проходит не только труд, но и свет души.

Едис учит видеть великое в малом. В его долине — красота, которую не нужно украшать; в его домах — свет, который не нужно усиливать. Здесь человек и природа не противостоят друг другу, а становятся единым дыханием.

И всякий, кто поднимет взгляд к горам над селом Едис, поймет: путь к вершинам начинается с малого шага — с родного дома, с тропы, ведущей через долину. И в этом скрыта мудрость: дорога в вечность проходит через простую жизнь, наполненную трудом, любовью и светом.

— — — — —
Deep within a mountain valley lies Edis — a highland village of South Ossetia. Its rooftops glimmer in the sunlight like stars fallen into the grass, and the houses lean close to one another as if sharing their warmth. Nearby flows a river winding among stones, and an ancient stone pillar rises — a silent witness of centuries, whose presence lends a sacred strength to this land.

At first glance, Edis seems small and humble, yet within it breathes eternity. Each house here is not merely a dwelling, but an extension of kinship, of roots, of memory. The stones of its walls have absorbed the voices of ancestors, and standing before them, one can almost hear their whisper: to live is to guard, to build, and to pass on.

Summer in Edis is bright and pure. The air is filled with the fragrance of mountain herbs, the calls of birds, and the

В горах Осетии, село Эдис (худ. Ацсамаз Харебов)
In the Mountains of Ossetia, the Village of Edis
(art by Atsamaz Kharebov)

murmur of streams. Everything here breathes simplicity – and in that simplicity, one feels happiness. Man is not set above the mountains, but lives in harmony with them, his rhythm entwined with the pulse of nature.

The mountains that embrace the village are not walls but wings. They do not confine the space but open it, allowing one to hear oneself. In their shadow there is no fear – rather, there is peace. They remind us that all things earthly are passing, but what man once laid into stone and spirit remains.

The ancient pillar at the village's entrance seems to say: the strength of a people lies in memory and continuity. It stands as a symbol of steadfastness, pointing to the truth

that across generations what endures is not only labor, but also the light of the soul.

Edis teaches us to see greatness in the small. In its valley lies a beauty that needs no adornment; in its houses, a light that needs no strengthening. Here, man and nature do not oppose each other – they become one breath.

And anyone who lifts their gaze to the mountains above Edis will understand: the path to the heights begins with a single step – with the home, with the small path leading through the valley. In this lies wisdom: the road to eternity passes through a simple life, filled with labor, love, and light.

ЗАГАДОЧНЫЕ КАМНИ / MYSTERIOUS STONES

Есть в горах Южной Осетии места, где сама земля кажется хранящей тайну. На склонах, среди трав и редких деревьев, лежат камни – будто случайно рассыпанные рукой великого творца. Но чем дольше смотришь на них, тем яснее понимаешь: в их молчании заключен смысл, которого мы не умеем сразу услышать.

Каждый камень – это больше, чем кусок породы. Он – свидетель времени, древний хранитель, проживший века и оставшийся неизменным. Камни лежат здесь с тех пор, как горы поднялись из глубин земли, и видели все: и солнца тысячелетий, и зимние бури, и шаги путников, приходивших и уходивших. Они молчат, но их молчание громче многих слов.

Что влечет нас к этим камням? Может быть, чувство сопричастности вечности. Человек — мимолетен: он рождается, живет, уходит, оставляя за собой лишь следы. Камень же пребывает. Он напоминает нам, что время не всегда линейно. Оно складывается в слои — как террасы и линии на его поверхности.

В легендах говорили: камни — это сердца предков, окаменевшие, чтобы навсегда остаться с землей. Другие верили, что они упали с небес, когда боги спорили за обладание этими горами. Но, может быть, истина в другом: каждый камень — это часть великого текста мира, написанного не чернилами, а дыханием ветра и весом веков.

Стоя перед ними, начинаешь понимать, что загадка — не в камнях, а в нас самих. Вопрос, который они задают, звучит так: «Что останется после тебя?». Ведь сила не в том, чтобы прожить жизнь ярко и шумно, а в том, чтобы оставить в земле, в людях, в памяти что-то прочное, как камень.

И тогда становится ясно: эти загадочные камни — не безмолвные глыбы. Они — зеркало вечности, в котором человек видит собственную хрупкость и одновременно — возможность быть частью чего-то большего.

— — — — —
There are places in the mountains of South Ossetia where the earth itself seems to guard a secret. Upon the slopes, among grasses and scattered trees, lie stones — as if tossed by the hand of a great creator. Yet the longer one gazes upon them, the more clearly their silence begins to speak, carrying a meaning we are not trained to hear at once.

Each stone is more than a fragment of rock. It is a witness of time, an ancient guardian who has endured the centuries unchanged. These stones have lain here since the mountains first rose from the depths of the earth, and they have seen everything: the suns of millennia, the fury

Загадочные камни (худ. Ацамаз Харебов)
Mysterious Stones (art by Atsamaz Kharebov)

of winter storms, the footsteps of travelers who came and went. They do not speak, yet their silence is louder than words.

What draws us to them? Perhaps it is the sense of belonging to eternity. Human life is fleeting: we are born, we live, we depart, leaving only fragile traces behind. The stone remains. It reminds us that time is not always linear – it gathers in layers, like the cracks and veins etched upon its surface.

Legends once said that stones are the hearts of ancestors, turned to stone so they could remain forever with the land. Others believed they fell from the heavens, when gods quarreled over the possession of these mountains. But perhaps the truth is simpler and deeper: each stone is a fragment of the great text of the world,

written not in ink but in the breath of wind and the weight of centuries.

Standing before them, one begins to realize that the mystery lies not in the stones, but within ourselves. The question they ask is simple and eternal: «What will remain after you?» For strength is not in living loudly, but in leaving something enduring – in the land, in people, in memory – as steadfast as stone.

And so we see: these mysterious stones are not silent masses. They are mirrors of eternity, in which man glimpses both his fragility and his chance to belong to something greater.

СЕЛО ДЖЕР, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ / THE VILLAGE OF DJER, SOUTH OSSETIA

На холмах Южной Осетии, среди золотых трав и ветров, стоит село Джер – одно из главных паломнических мест республики. Здесь, словно в диалоге с вечностью, сошлись воедино руины древних строений, церковь святого Георгия – Джеры дзуар, и облака, летящие над ними небесными конями.

Каменная арка, поросшая зеленью, напоминает о прошлом, которое не исчезает, а превращается в часть ландшафта памяти. Чуть выше возвышается церковь святого Георгия – святыня, где веками совершаются молитвы и куда ежегодно стекаются паломники. Джер известен чудесами и легендами, и каждый, кто приходит сюда, чувствует: это не просто храм, а место, где земля и небо соприкасаются.

На вершине холма — древнее святилище, откуда открывается вид на горы и бескрайнее небо. Там, где человек возносил молитву столетиями, воздух хранит тишину, наполненную духовной силой. Здесь каждый камень, каждый порыв ветра звучит как напоминание: вера и культура не исчезают, они переживают разрушения и вновь рождаются, как облака, принимающие облик коней в небе.

Эти небесные кони — символ движения и силы. Они несут в себе дыхание предков, которые когда-то воздвигли арку и церковь, они напоминают: человек — лишь путник, но его вера может взлететь выше облаков.

Джер учит: чудеса рождаются не только в стенах храма, но и в том, как сердце откликается на красоту мира. Паломничество сюда — это не только дорога по земле, но и дорога к себе. Арка, церковь, святилище, облака — все это звенья одной цепи, которая связывает человека с вечностью.

И, глядя на картину, мы понимаем: святые — это не камень и не дерево, а свет, который живет в нас, когда мы учимся видеть небесных коней над холмами и слышать вечный зов дороги к свету.

— — — — —

On the hills of South Ossetia, among golden grasses and whispering winds, stands the village of Djer — one of the republic's most sacred pilgrimage sites. Here, as if in dialogue with eternity, the ruins of ancient structures, the Church of Saint George — *Djery Dzuar*, and the clouds galloping above like celestial horses, meet as one.

A stone arch, overgrown with greenery, speaks of a past that has not vanished but has become part of the landscape of memory. Just above it rises the Church of Saint George — a sanctuary where prayers have been offered for centuries and where pilgrims still gather every year. Djer is renowned for its miracles and legends, and everyone who comes here feels: this is not merely a church, but a place where earth and heaven touch.

Село Джер, Южная Осетия (худ. Ацамаз Харебов)
The Village of Djer, South Ossetia (art by Atsamaz Kharebov)

At the summit of the hill lies an ancient shrine, opening onto the vast mountains and the boundless sky. Where generations have lifted their prayers, the air still holds a silence imbued with spiritual power. Here every stone, every gust of wind, resounds with the reminder that faith and culture do not vanish – they survive destruction and are born anew, like clouds that take the form of horses in the heavens.

These celestial horses are symbols of movement and strength. They carry within them the breath of ancestors who once raised the arch and the church. They remind us that man is but a wanderer, yet his faith can soar higher than the clouds.

Djer teaches us: miracles are not born only within the walls of a sanctuary, but in the way the heart responds to the beauty of the world. Pilgrimage here is not only

a road across the earth, but a road inward, toward the self. The arch, the church, the shrine, the clouds — all are links in a single chain that binds humanity to eternity.

And gazing upon this scene, we begin to understand: sanctity is not stone or wood, but the light that dwells within us when we learn to see the heavenly horses above the hills and to hear the eternal call of the road toward the light.

ЛЕТО В ГОРАХ / SUMMER IN THE MOUNTAINS

Лето в горах приходит не тихо, а торжественно. Оно разворачивает свой зеленый ковер, усыпанный цветами, и каждое дерево словно подпевает этому хору, сияя свежестью листвы. Воздух наполнен ароматом трав, прозрачный и звонкий, будто сама жизнь играет на струнах ветра.

Вдали поднимаются горы — синие, прозрачные, словно сотканые из света и тишины. Их вершины напоминают: за легкостью лета скрыта вечность, и эта вечность смотрит на нас сквозь облака и солнечные блики.

Летний луг в горах — это не просто пространство, это время, остановленное в своем совершенстве. Здесь все связано: пчела, собирающая нектар, облако, плывущее над вершинами, камень, нагретый солнцем. Все здесь поет одну и ту же песнь — песнь бытия, в которой нет ни начала, ни конца.

Лето учит нас радости простого. Оно не требует подвигов и слов, а только внимательного взгляда. В каждом

Лето в горах (худ. Ацамаз Харебов)
Summer in the Mountains (art by Atsamaz Kharebov)

цветке спрятано чудо, в каждом порыве ветра — мудрость, в каждой травинке — вечная дорога.

И потому, глядя на это лето в горах, человек понимает: истинное счастье — не в обладании, а в созерцании; не в том, чтобы покорить вершины, а в том, чтобы услышать дыхание мира и самому стать частью его музыки.

Summer in the mountains arrives not quietly, but triumphantly. It unfolds its green carpet strewn with flowers, and every tree seems to join this chorus, shining with the freshness of its leaves. The air is filled with the fragrance of grasses, clear and resonant, as if life itself were playing upon the strings of the wind.

In the distance, mountains rise — blue, transparent, woven from light and silence. Their peaks remind us: behind the ease of summer lies eternity, and that eternity gazes at us through clouds and glimmers of sunlight.

A summer meadow in the mountains is not merely a space, but time itself, suspended in its perfection. Everything here is connected: the bee gathering nectar, the cloud drifting above the ridges, the stone warmed by the sun. All sing one and the same song – the song of being, without beginning and without end.

Summer teaches us the joy of the simple. It does not demand feats or words, only an attentive gaze. In every flower a miracle is hidden, in every gust of wind wisdom, in every blade of grass an eternal road.

And so, gazing upon this summer in the mountains, one understands: true happiness lies not in possession, but in contemplation; not in conquering the peaks, but in hearing the breath of the world and becoming oneself a part of its music.

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ / MOUNTAIN STREAM

Горный ручей – это живая нить, которая связывает вершины и долины, небо и землю. Он рождается там, где тают снега и льды, где истоки прячутся в каменной глубине, и спускается вниз, чтобы дарить жизнь всему, что встречает на своем пути.

На первый взгляд – это всего лишь вода, бегущая между камнями. Но если вслушаться, в ее шорохе звучит музыка времени. Она то нежна, как колыбельная, то стремительна, как зов к движению. В ней – та же энергия, что в сердце человека: жажда идти вперед, искать дорогу, пробиваться сквозь препятствия.

Камни в ручье – это символ испытаний. Они преграж-

дают путь, но не останавливают течение. Вода не спорит с ними, не разрушает их яростным ударом. Она мягко обходит, принимает их форму, но остается верной самой себе. Так и человек, встречаясь с трудностями, может обрести силу не в борьбе, а в умении течь дальше, сохраняя свое внутреннее течение.

Есть в ручье особая чистота: он прозрачен, он не скрывает своей сути. В этом прозрачном движении мы видим урок: истинная сила не нуждается в маске, истинная жизнь не боится открытости.

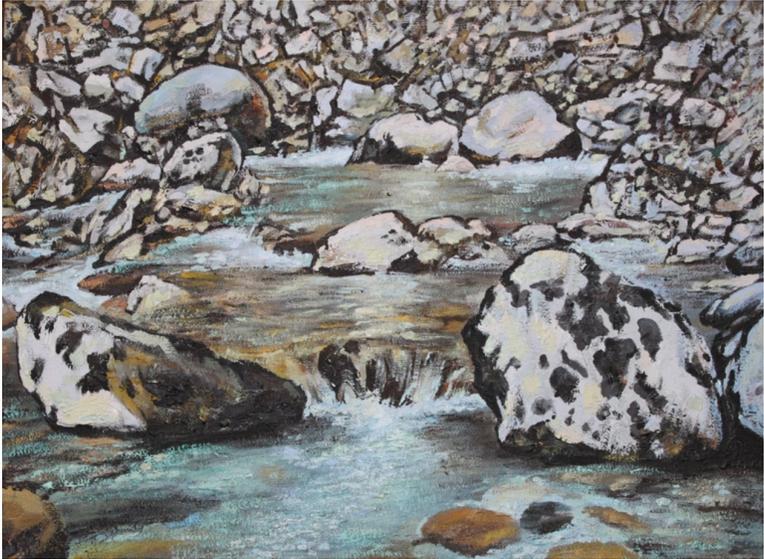
И еще — в этом ручье слышится голос вечного круговорота. Вчера он был снегом на вершине, завтра станет рекой внизу, а потом снова облаком, снова дождем, снова ручьем. Так и человек: его жизнь — лишь один миг большого пути, но этот миг становится звеном вечного движения.

Горный ручей на картине напоминает: вечность живет не только в камне, неподвижном и вечном, но и в воде, в ее умении меняться и все же оставаться самой собой. И, глядя на него, понимаешь: наша душа тоже должна быть как ручей — свободной, живой и устремленной к свету.

— — — — —
A mountain stream is a living thread, binding together the peaks and valleys, the sky and the earth. It is born where snow and ice melt, where hidden springs awaken in the heart of stone, and it descends to give life to everything along its path.

At first glance, it is only water flowing among rocks. Yet if one listens closely, its murmur becomes the music of time. At moments it is gentle, like a lullaby; at others, swift and insistent, like a call to movement. Within it pulses the same energy that lives in the human heart — the urge to move forward, to seek a way, to flow through obstacles.

The stones in the stream are symbols of trials. They block the path, yet they do not halt the current. The water

Горный ручей (худ. Ацамаз Харебов)
Mountain Stream (art by Atsamaz Kharebov)

does not fight them, nor does it shatter them with rage. It bends around them, takes their shape, and yet remains true to itself. So it is with human life: difficulties are not overcome by force alone, but by learning how to continue flowing, while preserving the essence of one's inner current.

There is a special purity in the stream: it is transparent, hiding nothing of its nature. In this clarity lies a lesson – true strength wears no mask, true life has no fear of being seen.

And in the voice of the stream we hear the rhythm of eternal return. Yesterday it was snow upon the summit, tomorrow it will be a river in the valley, and later a cloud, a storm, and again a stream. So it is with us: a human life is but a moment in the great cycle, yet even that moment becomes a link in the endless chain of movement.

The mountain stream reminds us: eternity resides not only in the stone, fixed and unmoving, but also in the water — in its gift of change, in its freedom, in its persistence. And looking upon it, we understand: our soul, too, must be like the stream — free, alive, and forever reaching toward the light.

РАЗДЕЛ II. КРЫМСКИЙ ЦИКЛ

КРЫМ, ВЕЧЕР В ПОНИЗОВКЕ / CRIMEA, EVENING IN PONIZOVKA

Вечер в Понизовке — это не просто час перед наступлением ночи. Это время, когда море и берег начинают тихий разговор, а свет постепенно уступает место тени. Все замедляется: корабль вдали словно застыл в ожидании, скалы становятся темнее и серьезнее, а небо окрашивается в мягкие оттенки уходящего дня.

На картине вечер дышит прохладой. Каменные откосы, еще хранящие тепло солнца, остывают и погружаются в синеву. Свет последнего заката скользит по поверхности моря, превращая его в зеркало, где растворяется горизонт. В этой полупрозрачной границе между днем и ночью чувствуется тайна: словно мир готовится к переходу в иной ритм, в иное измерение.

Здесь все говорит о тишине. Но это не пустая тишина, а наполненная: в ней слышны шорох волн, дыхание ветра, едва различимый скрип мачты корабля вдали. Эта

тишина не давит, а освобождает, позволяя услышать себя.

Вечер в Понизовке — это метафора человеческой жизни. Подобно дню, который завершается, каждый прожитый миг уходит в память, оставляя после себя лишь отблески и следы. Но эти следы — не исчезновение, а обещание: за ночью вновь придет утро, за сумраком — свет. И таков вечный ритм бытия.

Море в этот час становится зеркалом вечности. Оно напоминает, что все в мире текуче, но все в мире и возвращается. Волны стирают следы на берегу, но память моря хранит все. Так и человек: он проходит, но его дыхание остается в вечности.

Скала, возвышающаяся на переднем плане, — символ стойкости. Она встречает каждый вечер и каждое утро, неизменно пребывая на своем месте. И человек, подобно этой скале, обретает величие тогда, когда остается верным себе перед лицом перемен.

Картина «Крым, вечер в Понизовке» — это не просто пейзаж. Это откровение о том, что красота не в величии и не в громком жесте, а в тихом согласии с самим собой и миром. Вечер здесь — это обещание покоя и будущего рассвета, напоминание о том, что конец — это лишь переход, а свет всегда возвращается.

Evening in Ponizovka is not merely the hour before nightfall. It is a time when the sea and the shore begin their quiet conversation, when light slowly yields to shadow. Everything slows down: the distant ship seems frozen in anticipation, the cliffs grow darker and more solemn, and the sky softens into the fading hues of the departing day.

In the painting, evening breathes with coolness. The rocky slopes, still holding the warmth of the sun, begin to surrender to the deepening blue. The last light of sunset slides across the surface of the sea, turning it into a mirror

Крым, вечер в Понизовке (худ. Ацамаз Харебов)
Crimea, Evening in Ponizovka (art by Atsamaz Kharebov)

where the horizon dissolves. In this fragile boundary between day and night lies a secret: the world seems poised to enter a different rhythm, another dimension.

Here, everything speaks of silence. Yet it is not an empty silence, but one that is full – full of the whisper of waves, the breath of the wind, the faint creak of a ship's mast in the distance. It is a silence that does not weigh upon the heart but frees it, allowing one to listen inward.

Evening in Ponizovka becomes a metaphor for human life. Like a day that draws to its close, each lived moment slips into memory, leaving behind only traces and reflections. Yet these traces are not signs of disappearance but of promise: after night will come morning again, after twilight, light. Such is the eternal rhythm of existence.

The sea at this hour becomes a mirror of eternity. It reminds us that all things in the world are fluid, yet all things return. The waves erase footprints on the shore, but the memory of the sea keeps them all. So it is with human beings: we pass, but our breath remains in eternity.

The cliff rising in the foreground is a symbol of steadfastness. It greets every evening and every dawn, unchanging in its place. And so it is with man: he attains greatness when he, like the cliff, remains true to himself in the face of change.

The painting «Crimea, Evening in Ponizovka» is not simply a landscape. It is a revelation that beauty does not dwell in grandeur or in loud gestures, but in quiet harmony with oneself and with the world. Here, evening is a promise – of rest, of renewal, of the light that always returns.

КРЫМ, ЗАГАДОЧНЫЙ ВЕЧЕР / CRIMEA, MYSTERIOUS EVENING

Вечер в Крыму приходит не спеша, как древний мудрец, который несет с собой тишину и тайну. Солнце уже спряталось за горизонтом, и небо окрасилось в мягкие оттенки розового и лилового. Над морем, словно прозрачное видение, восходит луна – огромная и загадочная, как знак, посланный из иных миров.

Этот вечер не говорит громко. Его сила – в молчании. В нем нет ярких красок заката, но есть глубина, где все ка-

жется более значительным и серьезным. Легкий сумрак окутывает побережье, дома и скалы, превращая привычные очертания в символы. Все становится метафорой: море – вечности, горы – стойкости, луна – тайны.

Море в это время кажется безмолвным зеркалом, которое отражает не столько внешний мир, сколько внутренний. Глядя на его гладь, человек начинает слышать собственные мысли иначе: яснее, тише, глубже. И в этом внутреннем отражении рождается ощущение сопричастности чему-то великому.

Загадочный вечер в Крыму – это не только красота, но и откровение. Он напоминает: жизнь – это не только движение и свет, но и остановка, и тишина. Только в паузе можно услышать вечность. Только в полумраке можно увидеть свет, который скрыт днем.

Луна над морем – как древняя книга, открытая перед человеком. Она хранит память о поколениях, о молитвах и надеждах, о том, что люди веками смотрели на нее, пытаясь разгадать ее смысл. И каждый видел в ней свое: для одних – знак любви, для других – предвестие пути, для третьих – напоминание о том, что мы лишь странники под небом.

Картина «Крым, загадочный вечер» – это приглашение к медитации. Она говорит о том, что истинные тайны не там, где мы ищем шумно, а там, где мы остаемся в тишине. И если всмотреться в этот вечер, можно услышать вечный шепот: мир загадочен, но в этой загадке – его красота.

— — — — —

Evening in Crimea arrives unhurried, like an ancient sage carrying silence and mystery. The sun has already hidden beyond the horizon, and the sky glows in gentle shades of rose and violet. Above the sea, like a transparent vision, rises the moon – vast and enigmatic, as if a sign sent from another world.

Крым, загадочный вечер (худ. Ацамаз Харебов)
Crimea, Mysterious Evening (art by Atsamaz Kharebov)

This evening does not speak loudly. Its power lies in stillness. There are no blazing colors of sunset, but instead a depth where everything seems more solemn, more significant. A soft dusk envelops the shore, the houses, and the mountains, turning familiar shapes into symbols. Everything becomes metaphor: the sea as eternity, the mountains as steadfastness, the moon as mystery.

The sea at this hour is like a silent mirror, reflecting not so much the outer world as the inner one. Gazing upon its surface, one hears one's own thoughts differently – clearer, quieter, deeper. In that reflection, a sense of belonging to something vast and timeless awakens.

The mysterious evening in Crimea is not only beauty, but revelation. It reminds us that life is not only light and

movement, but also pause and stillness. Only in silence can eternity be heard. Only in twilight can one glimpse the hidden light that daylight conceals.

The moon above the sea is like an ancient book opened before humankind. It carries the memory of generations, of prayers and hopes, of those who for centuries have looked upon it, trying to decipher its meaning. Each saw something different: for some, a sign of love; for others, a herald of a journey; for still others, a reminder that we are but wanderers beneath the sky.

The painting «Crimea, Mysterious Evening» is an invitation to meditation. It tells us that the true mysteries are not found in noise and seeking, but in stillness. And if one looks deeply into this evening, one may hear the eternal whisper: the world is mysterious, and in its mystery lies its beauty.

КРЫМ, ПОНИЗОВКА / CRIMEA, PONIZOVKA

Есть места, где время словно растворяется в пространстве. Крым принадлежит именно к таким местам. Здесь утро рождается над морем, и каждый рассвет похож на первую страницу мира.

На картине — Понизовка, небольшой уголок крымского побережья. Скромные дома с красными и зелеными крышами притаились среди зелени, словно зная, что они — лишь гости на земле, где господствует море. Оно занимает половину полотна, уходя вдаль и соединяясь с небом в тонкой, едва заметной линии.

Над морем — облака, тяжелые и светлые одновременно, готовые разразиться дождем или рассыпаться в бирюзовую прозрачность. В этой изменчивости неба и воды заключена сама суть Крыма: он никогда не бывает одинаковым, он всегда новый — в каждом дне, в каждом взгляде.

Море здесь — не просто пространство. Оно похоже на зеркало бесконечности, в котором отражается душа человека. Его волны напоминают дыхание Вселенной: вечное, ритмичное, всепоглощающее. Смотря на море, мы учимся понимать собственную свободу и вместе с тем — собственную ограниченность. Мы — капли на его поверхности, но каждая капля несет в себе отблеск безбрежного.

Эта картина напоминает о хрупком счастье присутствия. Сидеть на склоне, слушать прибой, почувствовать соленый воздух, и знать: все это не повторится точно так же никогда. Море вечно, но наше мгновение — кратко, и именно поэтому оно бесценно.

Художник смотрит на Понизовку с любовью путника, который нашел в простом пейзаже — гармонию, а в тишине побережья — отклик сердца.

— — — — —
There are places where time seems to dissolve into space. Crimea belongs to such places. Here, the morning is born above the sea, and each sunrise feels like the very first page of the world.

On the canvas we see Ponizovka, a small corner of the Crimean coast. Modest houses with red and green roofs are nestled among the greenery, as if aware that they are only guests in the land ruled by the sea. The sea itself takes half of the canvas, stretching into the distance, merging with the sky in a thin, almost invisible line.

Above the water, the clouds are both heavy and luminous, ready either to burst into rain or dissolve into turquoise clarity. In this changeability of sky and sea lies the

Крым, Понизовка (худ. Ацамаз Харебов)
Crimea, Ponizovka (art by Atsamaz Kharebov)

essence of Crimea: it is never the same, always new – in each day, in each glance.

Here, the sea is not merely a space. It is like a mirror of infinity, reflecting the human soul. Its waves resemble the breath of the universe: eternal, rhythmic, all-embracing. Looking at the sea, we begin to understand our own freedom and, at the same time, our own limits. We are drops upon its surface, yet each drop carries within it the gleam of the boundless.

This painting reminds us of the fragile joy of presence: to sit on the hillside, to listen to the surf, to breathe the salty air, and to know – this moment will never repeat itself in the same way again. The sea is eternal, but our instant is brief, and precisely for that reason it is priceless.

The artist gazes at Ponizovka with the love of a wanderer who has found harmony in a simple landscape, and in the silence of the shore – the echo of his own heart.

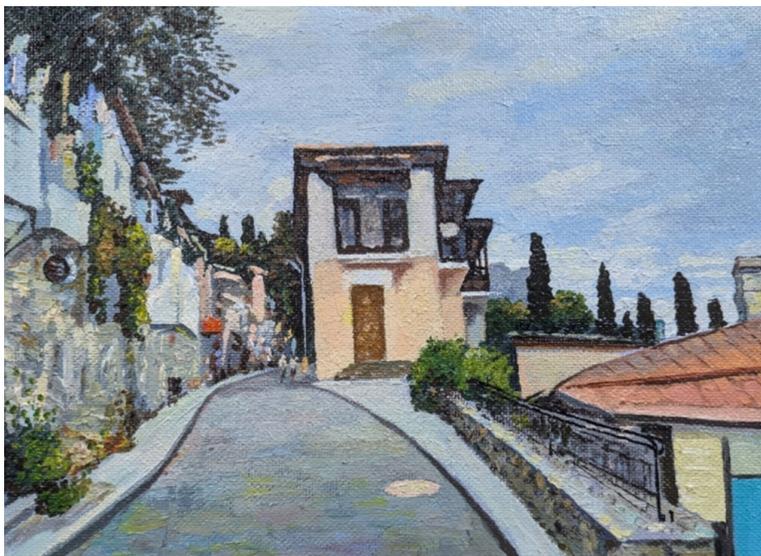
ГУРЗУФ / GURZUF

Узкая улица, уходящая вверх, каменные стены, дом с окнами, обращенными к свету, стройные кипарисы и тихие дворики – все это создает атмосферу камерности и уюта. В Гурзуфе даже тишина звучит, словно храня в себе дыхание веков, а каждый поворот дороги напоминает о чужих шагах и незримых голосах прошлого.

Эта улица – не просто путь. Она тянется ввысь, как дорога времени. Каменные ограды, увитые зеленью, подобны страницам древней книги, где солнечные отблески и тени мха становятся буквами. Белый дом с высоким фасадом впереди стоит, как страж и хранитель памяти: он бережет не только архитектуру, но и ту атмосферу, что невозможно выстроить заново – ее можно лишь унаследовать.

В Гурзуфе все наполнено особым светом и воздухом: здесь смешаны запах моря и хвойных рощ, сладость фруктов и соль истории. В этом прозрачном сиянии мир раскрывается глубже, чем кажется: видишь не только улицу, но и людей, когда-то идущих по ней, слышишь их смех, разговоры и шаги, давно растворившиеся во времени.

Но Гурзуф – это не только память улиц и камней. Это место вдохновения, где когда-то находили темы для своих творений Пушкин и Чехов, Айвазовский и Коровин. Здесь сама реальность превращается в искусство: улица стано-

Гурзуф (худ. Ацамаз Харебов)
Gurzuf (art by Atsamaz Kharebov)

вится строкой стихотворения, дом — живописью, вид за поворотом — музыкой.

Гурзуф учит: истинная красота живет не в величии и не в шуме, а в деталях — в изгибе дороги, в каменной стене, в окне, распахнутом к морскому ветру. В его тишине звучит жизнь, в его простоте — глубина.

Картина «Гурзуф» напоминает: это не только география, но и состояние души. Пространство, где прошлое и настоящее вступают в тихий диалог, где человек, остановившись, может услышать вечное и открыть для себя красоту, скрытую в малом.

A narrow street climbing upward, stone walls, a house with windows turned toward the light, slender cypresses, and quiet courtyards — all this creates an atmosphere

of intimacy and warmth. In Gurzuf even silence has a voice, carrying the breath of centuries, and every bend of the road seems to preserve the echo of footsteps and the whispers of forgotten lives.

This street is more than a path; it rises like the road of time itself. The stone fences entwined with greenery are like the pages of an ancient book, where moss and sunlight form the letters. The white house with its tall façade ahead stands as a sentinel and guardian of memory: it protects not only architecture, but an atmosphere that cannot be recreated – it can only be inherited.

In Gurzuf everything is filled with a unique light and air: the scent of the sea mingles with pine groves, the sweetness of fruit with the salt of history. In this transparent radiance the world reveals itself more deeply – one sees not only the street, but also the people who once walked it, hears their laughter, their voices, their steps dissolved into time.

But Gurzuf is more than memory woven into stones and walls. It is a place of inspiration, where Pushkin and Chekhov once wrote, where Aivazovsky and Korovin found themes for their canvases. Here reality itself becomes art: a street turns into a line of poetry, a house into a painting, the view beyond the bend into music.

Gurzuf teaches that true beauty lies not in grandeur or noise, but in details – in the curve of a road, in a stone wall, in a window opened toward the sea wind. In its silence life resounds; in its simplicity there is depth.

The painting «Gurzuf» reminds us: it is not only geography, but a state of the soul. A space where past and present enter into a quiet dialogue, where a person, pausing for a moment, may hear the eternal and discover beauty hidden in the small.

ГУРЗУФСКИЙ ЭТЮД / GURZUF SKETCH

Этюд — это всегда мгновение. Он не стремится быть завершенной симфонией, но в его легкости слышится музыка настоящего. Так и в этом пейзаже Гурзуфа: солнечный свет ложится на черепичные крыши, дорога уходит вниз, за ней — горы, которые всегда были и будут свидетелями человеческой жизни.

Здесь нет торжественности, здесь — дыхание дня. Люди идут по улице, кто-то разговаривает, кто-то спешит, и каждый движется в своем ритме. Но все они объединены пространством — узкой улицей, домами, светом, который смягчает камень и делает его теплым.

Горы за горизонтом кажутся вечными. Они — как молчаливые хранители: пока человек меняется, строит, уходит и возвращается, они остаются. Их тишина делает город вечным.

Гурзуф в этюде — это не музей и не декорация, а живая ткань, в которой прошлое, настоящее и будущее переплетаются. Каждое мгновение здесь — маленькая картина, каждая прогулка — история.

Эта работа напоминает: ценность искусства — не только в больших полотнах и громких сюжетах, но и в умении остановиться и заметить простое. Ведь именно простое — улица, крыша, горы на горизонте — дает ощущение полноты жизни.

A sketch is always a moment. It does not aspire to be a complete symphony, yet within its lightness we hear the music of the present. So it is with this view of Gurzuf: sunlight rests upon the tiled roofs, the road descends, and beyond it the mountains — eternal witnesses of human life.

Гурзуфский этюд (худ. Ацамаз Харебов)
Gurzuf Sketch (art by Atsamaz Kharebov)

There is no solemnity here, but rather the breath of the day. People walk along the street; some speak, some hurry on, each moving in their own rhythm. And yet they are all united by the space – the narrow street, the houses, the light that softens the stone and makes it warm.

The mountains on the horizon seem eternal. They are silent guardians: while people change, build, leave and return, they remain. Their silence makes the town eternal.

Gurzuf in this sketch is not a museum nor a stage set, but a living fabric in which past, present, and future are interwoven. Every moment here is a small painting, every walk a story.

This work reminds us: the value of art lies not only in grand canvases and dramatic plots, but also in the ability

to pause and notice the simple. For it is the simple – a street, a roof, the mountains on the horizon – that gives us the fullness of life.

КРЫМ, СИМЕИЗ / CRIMEA, SIMEIZ

Симеиз – это не просто курортный уголок Крыма. Это место, где дорога становится временем, а дома – хранителями памяти. На картине улица уходит вглубь, между каменными стенами и садами, и кажется, что она зовет не только вперед, но и внутрь самого человека.

Свет ложится мягко, превращая белые фасады домов в сияние. Их окна смотрят в сторону гор и неба, словно сами дома – это глаза, обращенные к вечности. Белизна стен напоминает чистый лист, на котором каждый день пишется история человеческой жизни: приходят и уходят поколения, но в камне и деревьях остается их дыхание.

Горы на горизонте – как застывшая вечность. Их величие не подавляет, а наоборот, создает ощущение покоя. Они – символ устойчивости, которые напоминают: за всеми переменами, за всеми заботами и шумом есть нечто неизменное. Мудрость гор – это молчание, и в этом молчании можно услышать ответы на вопросы, которые невозможно задать словами.

Сама дорога в Симеизе – это метафора пути. Она ведет сквозь тишину сада, вдоль домов, мимо людей и их судеб. Она учит: каждый шаг, даже самый простой, не исчезает бесследно, а становится частью общей истории. Мы идем, и вместе с нами движется время – не вперед, а вглубь.

Зелень вокруг улицы напоминает о вечном круговороте. Деревья и кусты сменяют листву, тянутся к свету, а потом уступают место новым побегам. В этом ритме природы человек находит утешение: все уходит, но все возвращается. И так же, как весна возвращается к деревьям, память возвращается к местам, которые были дороги сердцу.

Картина наполнена тишиной. Но это не пустая тишина, а наполненная. В ней слышится дыхание ветра, шепот листвы, дальний шум моря. Это тишина, в которой человек перестает быть только собой и чувствует себя частью большего — частью природы, частью времени, частью вечности.

Симеиз здесь предстает не курортом, не городом на карте, а образом духовного пространства. Это мир, где каждый дом — как метафора укрытия, каждая гора — как символ вечности, каждая дорога — как образ судьбы. И в этой гармонии мы видим не только пейзаж, но и отражение самих себя.

Simeiz is not merely a resort town of Crimea. It is a place where the road becomes time itself, and the houses — keepers of memory. On the canvas, the street leads inward, between stone walls and gardens, and it seems to call us not only forward but also deeper into ourselves.

The light falls gently, turning the white façades of the houses into radiance. Their windows look toward the mountains and the sky, as if the houses themselves were eyes gazing into eternity. The whiteness of the walls recalls a clean page, upon which the story of human life is written each day: generations come and go, yet their breath lingers in stone and in trees.

The mountains on the horizon are like frozen eternity. Their greatness does not overwhelm but instead creates a sense of peace. They are symbols of permanence, reminding us that beyond all changes, all concerns, all noise,

Крым, Симеиз (худ. Ацамаз Харебов)
Crimea, Simeiz (art by Atsamaz Kharebov)

there is something immutable. The wisdom of the mountains is silence – and in that silence, one can hear answers to questions that words cannot frame.

The very road of Simeiz is a metaphor of the path. It leads through the stillness of gardens, past houses, by people and their destinies. It teaches that each step, even the simplest one, does not vanish without trace but becomes part of a greater story. As we walk, time moves with us – not only forward, but inward.

The greenery surrounding the street speaks of the eternal cycle. Trees and shrubs change their leaves, stretch toward the light, and then give way to new growth. In this rhythm of nature, one finds consolation: everything passes, yet everything returns. Just as spring comes back to the trees, so does memory return to the places dearest to the heart.

This painting is filled with silence. Yet it is not an empty silence, but one that is full. In it, one can hear the breath of the wind, the whisper of leaves, the distant murmur of the sea. It is a silence in which one ceases to be only oneself and feels a part of something greater – part of nature, part of time, part of eternity.

Here, Simeiz appears not as a resort, not as a point on a map, but as an image of spiritual space. It is a world where every house is a metaphor of shelter, every mountain a symbol of eternity, every road an image of destiny. And in this harmony, we see not only a landscape, but also the reflection of ourselves.

КРЫМ, ГОРА КОШКА / CRIMEA, MOUNT KOSHKA

Картина «Крым. Гора Кошка» открывает перед нами мир, где природа и миф соединяются в единое дыхание. На первом плане – зеленые кроны деревьев, полные жизни и света, за которыми возвышается каменная громада горы. Ее очертания суровы и величавы, словно сама земля подняла этот исполинский страж на защиту моря и неба. В ее склонах слышится не только шорох ветра, но и отзвук легенд, которые веками живут среди крымских гор.

По преданию, когда-то здесь жил отшельник, человек с темным прошлым, стремившийся к искуплению. Он отрекся от суеты мира, поселился в пещере, постился и молился, но тени былых грехов не отпускали его. И однажды злой дух явился к нему в облике прекрасной девы, желая

вернуть его к страсти и падению. Отшельник не устоял, и в тот миг небеса низошли с карающим светом. В наказание все трое — монах, дева и коварная кошка, что сопро-вождала искушение, — обратились в камень. Так возникли скала Дива, скала Монах и гора Кошка.

Сама гора хранит это имя не случайно. Оно происхо-дит от крымскотатарского Кош-Кая (Qoş Qaya): qaya — «скала», qoş — «парный». В этом названии звучит тайна двойственности: земное и небесное, плотское и духовное, падение и возрождение.

Смотря на картину, понимаешь: Гора Кошка — это не просто природный силуэт над Симеизом. Это символ памяти о человеческой слабости и о силе небесного света, который способен превратить даже падение в урок, а грех — в каменное напоминание для потомков.

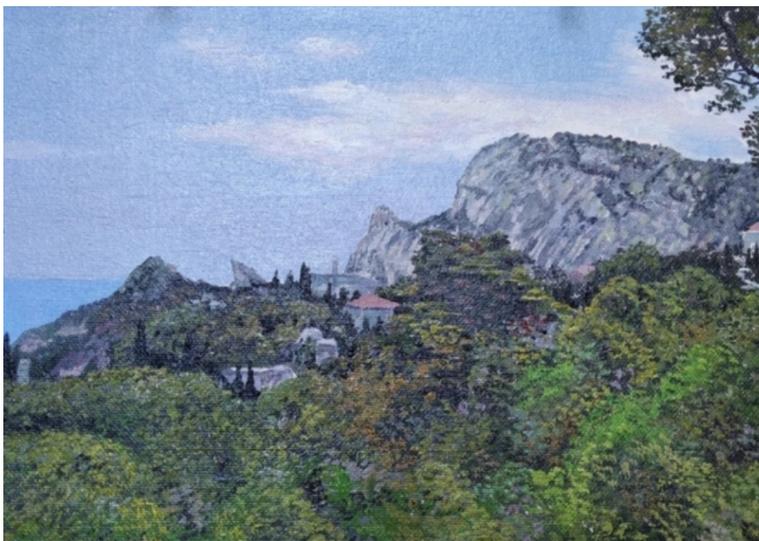
Зелень перед горой словно подчеркивает ее суровую неподвижность. Живое и меняющееся окружает вечное, и в этой встрече видна философия бытия: человек рожда-ется, живет и уходит, а камень и легенда остаются.

Гора Кошка становится напоминанием о том, что искуп-ление всегда сопряжено с испытанием, а путь человека — это поиск равновесия между слабостью и силой, земным и небесным.

— — — — —

The painting «Crimea. Mount Koshka» reveals a world where nature and myth merge into a single breath. In the foreground we see the crowns of trees, full of life and light, while behind them rises the rocky mass of the mountain. Its outlines are stern and majestic, as if the earth itself had raised this stone sentinel to guard the sea and the sky. Within its slopes one can hear not only the whisper of the wind, but also the echo of legends that have lived among the Crimean hills for centuries.

According to legend, long ago a hermit lived here — a man with a dark past, seeking redemption. He turned away

Крым, гора Кошка (худ. Ацамаз Харебов)
Crimea, Mount Koshka (art by Atsamaz Kharebov)

from the vanity of the world, settled in a cave, fasted and prayed, but the shadows of his sins gave him no rest. One day an evil spirit appeared to him in the guise of a beautiful maiden, luring him back to passion and ruin. The hermit faltered, and at that very moment the heavens descended with punishing light. In retribution, all three – the monk, the maiden, and the cunning cat that accompanied the temptation – were turned to stone. Thus were born the Diva Rock, the Monk Rock, and Mount Koshka.

The very name of the mountain holds its secret. It comes from the Crimean Tatar Kosh-Kaya (Qoş Qaya): qaya means «rock,» and qoş means «paired.» In this name resonates the mystery of duality: the earthly and the heavenly, the carnal and the spiritual, the fall and the renewal.

Looking at the painting, one realizes that Mount Koshka is not merely a natural silhouette above Simeiz. It is a symbol of memory – of human weakness, and of the strength of the celestial light that can turn even a fall into a lesson, and sin into a stone reminder for generations.

The greenery before the mountain seems to emphasize its immovable severity. The living and ever-changing surrounds the eternal, and in this encounter lies the philosophy of existence: man is born, lives, and passes away, but stone and legend endure.

Mount Koshka stands as a reminder that redemption always comes with trial, and that the path of humanity is the search for balance between weakness and strength, the earthly and the divine.

КРЫМ. ПЕРЕД ГРОЗОЙ / CRIMEA, BEFORE THE STORM

В Крыму гроза приходит не сразу. Сначала небо начинает медленно собирать в себе силу, и каждая облачная линия становится предвестием перемен. Море, еще недавно спокойное и прозрачное, окрашивается в глубокие синие тона, словно впитывает тревогу, что витает в воздухе.

На картине мы видим этот момент ожидания. Ветры еще не сорвались, гром еще не прозвучал, но сама тишина наполнена напряжением. Все вокруг замирает: деревья стоят неподвижно, дома словно прислушиваются, люди выходят на балконы и смотрят вдаль. Это тишина не пустоты, а предчувствия.

Гроза — это всегда граница. Она разделяет мир на «до» и «после». Так и в жизни человека: бывают моменты, когда все вокруг еще спокойно, но внутри уже собирается сила, готовая преобразить судьбу. Гроза учит нас принимать перемены, ведь именно они очищают воздух и открывают путь новому.

Свет домов внизу напоминает о человеческом присутствии, хрупком и временном. Но именно это тепло человеческой жизни делает пейзаж не только величественным, но и близким. Мы видим, что в огромном театре природы всегда остается место для маленького мира человека.

Картина несет в себе философию ожидания. Она говорит: не стоит бояться грозы. Она приходит, чтобы дать земле дыхание, деревьям силу, человеку — обновление. И в этом столкновении неба и моря, тьмы и света, страха и надежды мы видим отражение вечного закона мира: все рождается через напряжение, и все обновляется через бурю.

In Crimea, the storm does not come at once. At first, the sky begins to gather its strength slowly, and every line of cloud becomes a herald of change. The sea, calm and transparent only moments before, turns into a deep blue, as if absorbing the tension floating in the air.

On the canvas, we see this moment of waiting. The winds have not yet broken loose, the thunder has not yet spoken, but silence itself is charged with expectation. Everything around stands still: the trees unmoving, the houses as if listening, people stepping out onto balconies to gaze into the distance. This is not silence of emptiness, but silence of anticipation.

A storm is always a threshold. It divides the world into «before» and «after.» So it is in human life: there are moments when all seems calm, but within, a force is gathering, ready to transform destiny. The storm teaches us

Крым. Перед грозой (худ. Ацамаз Харебов)
Crimea, Before the Storm (art by Atsamaz Kharebov)

to accept change, for it is change that clears the air, strengthens the trees, and gives renewal to the human soul.

The light of the houses below reminds us of human presence — fragile and temporary. Yet it is this warmth of human life that makes the vast landscape not only grand, but also intimate. It shows that in the great theater of nature, there is always a place for the small world of man.

This painting carries the philosophy of expectation. It tells us: do not fear the storm. It comes to give breath to the earth, strength to the trees, renewal to the soul. And in this encounter of sky and sea, darkness and light, fear and hope, we see the reflection of an eternal law: everything is born through tension, and everything is renewed through the storm.

ЯЛТА / YALTA

Ялта – город, где сама повседневность становится частью вечного праздника. Здесь прогулка по набережной – не просто движение, а встреча с морем и небом, с дыханием гор, спускающихся к воде.

На картине улица у моря тянется вдаль, и люди идут по ней с легкостью, будто сами становятся частью потока. Их шаги сливаются с ритмом волн, а тени растворяются в солнечном свете. Каждый миг здесь похож на кадр из нескончаемого фильма, где действительность и мечта переплетаются.

Старинный фонарь возвышается посреди набережной, как символ памяти: он видел тысячи рассветов, бесконечные потоки прохожих, слышал смех и тишину. И, словно хранитель, он напоминает нам о том, что у моря все повторяется – но никогда не бывает одинаковым.

Ялта в этом образе – не только курортный город, но и философское пространство. Море становится метафорой свободы, в которой человек ищет отражение собственной души. Горы – символ стойкости, а улица у моря – дорога жизни, ведущая к горизонту.

И, глядя на картину, мы понимаем: в Ялте время течет иначе. Здесь каждый шаг превращается в воспоминание, каждый взгляд на море – в обещание. И в этой простоте прогулки скрывается великое – умение быть в настоящем и любить сам момент жизни.

Yalta is a town where everyday life turns into a part of an eternal celebration. Here, a walk along the promenade is not just a movement, but an encounter with the sea and the sky, with the breath of mountains descending toward the water.

Ялта (худ. Ацамаз Харебов)
Yalta (art by Atsamaz Kharebov)

On the canvas, the seaside street stretches into the distance, and people walk upon it lightly, as if becoming part of the current themselves. Their steps merge with the rhythm of the waves, their shadows dissolve into sunlight. Every moment here feels like a frame from an endless film, where reality and dream intertwine.

An old street lamp rises in the middle of the promenade, a symbol of memory: it has seen thousands of sunrises, endless flows of passersby, heard laughter and silence. Like a guardian, it reminds us that by the sea everything repeats – and yet nothing is ever the same.

In this image, Yalta is not only a resort town but also a philosophical space. The sea becomes a metaphor of freedom, in which a person seeks the reflection of their own soul. The mountains are a symbol of resilience, and

the seaside street – a road of life leading toward the horizon.

And as we gaze at the painting, we realize: in Yalta, time flows differently. Here, every step turns into a memory, every glance at the sea – into a promise. And within the simplicity of a walk lies something profound: the art of being present and loving the very moment of life.

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФСКИЕ ОБРАЗЫ И ЛИРИКА

ОЖИДАНИЕ / EXPECTATION

На картине – море. Его гладь спокойна и безмятежна, небо растворяется в воде, а горизонт тянется в бесконечность. На переднем плане – женщина с ребенком. Они стоят у обрыва, и их фигуры кажутся маленькими перед лицом величия пространства.

Картина названа «Ожидание». Это не тревожное ожидание, а сосредоточенное, полное внутреннего смысла. Женщина держит ребенка за руку, и в этом жесте есть уверенность: «Мы вместе, и это – главное».

Море здесь – образ вечности. Оно хранит в себе истории, которые человек никогда не узнает, и тайны, которые нельзя разгадать. Но именно в этом сокрытом рождается сила ожидания: оно не пусто, оно наполнено возможностями.

Ожидание – это момент, когда время не стоит на месте, а сгущается, становится плотным. Это как дыхание перед словом, как тишина перед музыкой. Художник показы-

Ожидание (худ. Ацамаз Харебов)
Expectation (art by Atsamaz Kharebov)

вает: ожидание — не пауза, а процесс созревания, когда будущее уже готовится проявиться.

Женщина и ребенок стоят на краю мира, и море открывается перед ними, как книга. Они еще не знают, что в ней написано, но уже чувствуют ее дыхание. «Ожидание» становится образом доверия к жизни, умением принимать то, что должно прийти, и хранить надежду.

Картина напоминает: иногда самые важные моменты в жизни происходят не тогда, когда событие совершается, а тогда, когда мы учимся ждать.

In the painting we see the sea. Its surface is calm and tranquil, the sky dissolves into the water, and the horizon stretches into infinity. In the foreground stand a woman and a child. They face the edge of the world, their figures small before the vastness of space.

The painting is titled «Expectation». This is not anxious waiting, but a concentrated state, filled with inner meaning. The woman holds the child's hand, and in that gesture lies assurance: «We are together, and that is what matters.»

The sea here is the image of eternity. It holds stories humankind will never know, and mysteries that cannot be unraveled. Yet it is within this hidden depth that the power of expectation arises: it is not empty, but filled with possibilities.

Expectation is a moment when time does not stand still, but thickens, becomes dense. It is like a breath before a word, like silence before music. The artist shows us: expectation is not a pause, but a process of ripening, when the future is already preparing to emerge.

The woman and child stand at the edge of the world, and the sea opens before them like a book. They do not yet know what is written within it, but they already feel its breath. «Expectation» becomes the image of trust in life, of the ability to receive what is to come, while guarding hope.

The painting reminds us: sometimes the most important moments in life are not when events occur, but when we learn how to wait.

НОСТАЛЬГИЯ / NOSTALGIA

На картине – горный пейзаж. Осень уже вступила в свои права: деревья пылают красным и золотым, а на горизонте, за мягкими холмами, возвышаются снежные вершины. Все пространство дышит прозрачным холодным

светом, словно сама природа задержала дыхание, позволяя взгляду проникнуть вглубь времени.

Название картины — «Ностальгия». Это чувство редко связано только с конкретным местом. Скорее, это состояние души, когда настоящее становится слишком тонким и позволяет нам ощутить прошедшее. В этой осени, в этих горах есть голос памяти — не громкий, но неотступный.

Художник будто хочет сказать: ностальгия — это не печаль о том, что ушло, а мост между прошлым и настоящим. Каждый цвет листвы несет в себе воспоминания: о дороге, ведущей в горы; о дыхании ветра, холодном и чистом; о детстве, где все казалось большим и вечным.

Высокие тополя в переднем плане похожи на стражей времени. Они стоят прямо, словно утверждая: «Мы видели все, что было, и продолжаем хранить это в тишине». А заснеженные вершины вдали напоминают о недостижимом — о мечтах, о надеждах, о том, что всегда остается частью нас, даже если мы никогда не достигнем вершины.

«Ностальгия» в этой картине — это образ внутреннего света. Да, прошлое ушло, но оно не исчезло: оно живет в нас так же, как сияет осень перед наступлением зимы. И художник напоминает: память — это не цепь, удерживающая нас, а светильник, который освещает путь вперед.

— — — — —
In the painting we see a mountain landscape. Autumn has already taken hold: trees blaze in red and gold, while on the horizon, beyond soft rolling hills, rise snow-capped peaks. The whole scene breathes with a transparent, cool light, as if nature itself were holding its breath, allowing the gaze to slip into the depths of time.

The title — «Nostalgia». This feeling is rarely tied to a single place. Rather, it is a state of the soul, when the present becomes too thin and allows us to sense the past. In this autumn, in these mountains, there is a voice of memory — not loud, yet insistent.

Ностальгия (худ. Ацамаз Харебов)
Nostalgia (art by Atsamaz Kharebov)

The painter seems to say: nostalgia is not sorrow for what is gone, but a bridge between past and present. Every color of the leaves carries a memory: of roads leading to the mountains, of the breath of the wind, cold and pure, of childhood, when everything seemed vast and eternal.

The tall poplars in the foreground resemble guardians of time. They stand upright, as if declaring: «We have seen all that has been, and we continue to preserve it in silence.» And the snowy peaks in the distance recall the unattainable – dreams, hopes, those elements that always remain a part of us, even if we never reach the summit.

In this painting, «Nostalgia» becomes the image of an inner light. Yes, the past is gone, but it has not vanished: it lives within us, just as autumn shines before the onset

of winter. And the artist reminds us: memory is not a chain that holds us back, but a lantern that lights the way forward.

МАРТ / MARCH

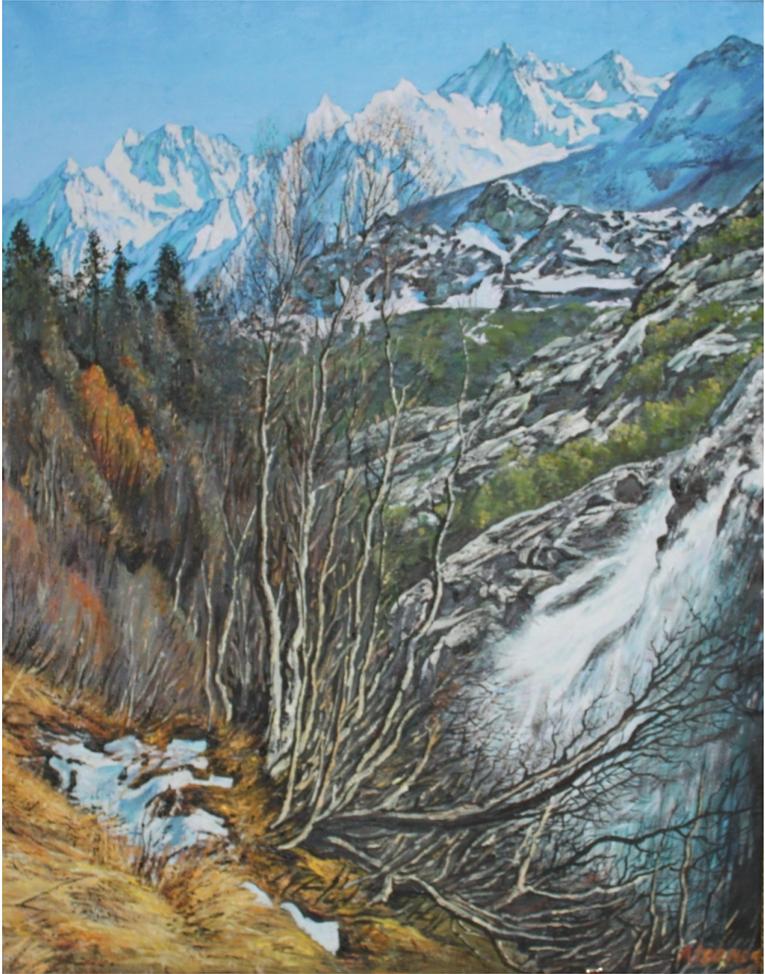
В горах март — это не просто месяц календаря, а встреча двух стихий: зимы и весны. Снег еще держится в тенях, белеет на вершинах и склонах, словно старая песня, которую еще не отпускает память. Но уже слышен другой мотив — шум воды, бегущей с высоты, прозрачной и молодой, как дыхание новой жизни.

Березы стоят у подножья скал, их ветви еще голы, но в них уже чувствуется скрытая сила. Они тянутся вверх, к свету, словно знают: вот-вот придет время распуститься. А рядом ручьи, пробиваясь сквозь камни, поют свою первую весеннюю песню — песню пробуждения и движения.

Март — это момент ожидания, прозрачного, как горный воздух. Он учит видеть не только то, что есть сейчас, но и то, что еще грядет. В нем есть тишина, наполненная предчувствием перемен, и есть сила, которая медленно пробуждает природу от зимнего сна.

Эта картина напоминает: жизнь — всегда переход. Мы постоянно стоим на границе между прошедшим и будущим, между холодом и теплом, между молчанием и песней. И в этом переходе есть особая красота: хрупкая, но полная надежды.

In the mountains, March is not just a month on the calendar but a meeting of two elements: winter and spring.

Марш (худ. Ацамаз Харебов)
March (art by Atsamaz Kharebov)

Snow still lingers in the shadows, gleaming on the peaks and slopes like an old song that memory refuses to let go. Yet another melody is already rising — the sound of water

rushing down from the heights, clear and young, like the breath of new life.

Birches stand at the foot of the cliffs, their branches still bare, yet already filled with hidden strength. They reach upward, toward the light, as if they know that the time to unfold is near. Nearby, streams breaking through the stones sing their first spring song – the song of awakening and movement.

March is a moment of expectation, transparent as the mountain air. It teaches us to see not only what is here now but also what is yet to come. There is silence filled with the anticipation of change, and there is a force slowly awakening nature from its winter sleep.

This painting reminds us: life is always a passage. We constantly stand at the boundary between past and future, between cold and warmth, between silence and song. And within this passage lies a unique beauty – fragile, yet full of hope.

ОСЕННИЙ ЭТЮД / AUTUMN SKETCH

Осень в горах – это симфония тишины и света. В прозрачном воздухе каждый звук звучит чище, каждая краска сияет ярче. Листья, охваченные золотом и алым пламенем, словно прощаются с летом, но не в печали, а в величии. В их падении – не угасание, а торжественное завершение, как в музыке, где последняя нота не исчезает, а растворяется в вечности.

Озеро хранит небесное отражение, и кажется, что в его водах живет двойной мир: один – земной, с деревьями,

горами, ветвями, другой — невидимый, уводящий взгляд в глубину. Ветви дерева на переднем плане напоминают линии судьбы: извилистые, непредсказуемые, но все же ведущие вверх, к свету.

Горы вдаль окрашены розовым сиянием заката. Их вершины будто знают, что зима уже близко, но именно сейчас, в час осени, они особенно красивы, словно переживают мгновение откровения.

Осенний этюд — это не просто пейзаж, это размышление о том, что каждый конец есть продолжение, каждая тень несет свет, а каждое прощание рождает новую встречу. В этом этюде — мудрость природы: уметь уходить достойно, оставляя после себя красоту, которая останется в памяти.

И, может быть, осень — это зеркало человека. Когда он оглядывается на пройденный путь, на прожитые годы, то видит: все, что было, не исчезло, но превратилось в золото воспоминаний, в красный огонь чувств, в тихий свет закатных мгновений. Осень не про утрату, а про полноту: в ней собрано все, что дала жизнь, и эта полнота звучит как гармония.

Ветви дерева на фоне воды напоминают, что даже в обнаженности есть красота, даже в предчувствии зимы — сила. Природа учит: не нужно бояться увядания, потому что оно есть лишь часть вечного круга. Осень — это не конец, а обретение нового измерения, когда душа учится видеть в простых красках величие бытия.

— — — — —

Autumn in the mountains is a symphony of silence and light. In the crystal-clear air, every sound rings purer, every color glows brighter. Leaves, clothed in gold and crimson fire, bid farewell to summer — not with sorrow, but with grandeur. In their fall lies not fading, but a solemn conclusion, like music where the last note does not vanish, but dissolves into eternity.

Осенний этюд (худ. Ацмаз Харебов)
Autumn Sketch (art by Atsamaz Kharebov)

The lake preserves the reflection of the sky, and it seems that within its waters lives a double world: one – earthly, with trees, mountains, and branches; the other – invisible, drawing the gaze into its depths. The branches of the tree in the foreground resemble the lines of fate: winding, unpredictable, yet always reaching upward, toward the light.

The mountains in the distance are bathed in the rosy glow of sunset. Their peaks seem to know that winter is near, yet at this moment of autumn they are more beautiful than ever, as if touched by a revelation.

Autumn Sketch is not merely a landscape, but a meditation on how every ending is also a beginning, how

every shadow carries light, and how every farewell contains the seed of a new meeting. Within this sketch lies nature's wisdom: to depart with dignity, leaving behind a beauty that lingers in memory.

Perhaps autumn is a mirror of human life. When one looks back on the path already traveled, on the years already lived, one sees that nothing is lost: it has all become the gold of memory, the crimson fire of emotions, the quiet glow of twilight hours. Autumn is not about loss, but about fullness: it gathers everything life has given, and this fullness resounds as harmony.

The bare branches against the water remind us that even in bareness there is beauty, even in the premonition of winter there is strength. Nature teaches us not to fear fading, for it is only part of the eternal cycle. Autumn is not an end, but the discovery of a new dimension, when the soul learns to see in simple colors the grandeur of existence.

МИР ГДЕ ЖИВУТ СКАЗКИ / THE REALM WHERE FAIRY TALES LIVE

Есть места на земле, которые открываются как окна в иное измерение — мир, в котором живут сказки. В горах, среди кристального воздуха и журчащих потоков, реальность словно растворяется и становится чем-то большим, чем просто природа. Здесь вода не просто течет, а поет древнюю песнь, камни не просто лежат, а хранят память веков, а леса не просто шумят, а рассказывают истории, услышанные от ветра.

На картине открывается та самая страна — теплый свет падает на скалы и травы, сверкает на рогах горных козлов, которые будто сошли с мифов и легенд. Их силуэты величественны, как стражи этого мира. В их глазах — спокойная мудрость, будто они знают больше о вечности, чем человек. Они стоят на границе видимого и невидимого, земного и сказочного.

Водопад ниспадает с каменной ступени, словно небесный поток, соединяющий мир людей и мир духов. Его шум можно услышать как голос времени: он напоминает, что все проходит и все возвращается вновь. А прозрачная река, отражающая небо и горы, — как зеркало, в котором человек видит не только природу, но и самого себя.

Этот пейзаж — не просто изображение гор и зверей. Это приглашение войти в пространство, где детские мечты обретают плоть, где человек перестает быть только странником и становится частью легенды.

Мир, где живут сказки, начинается не где-то далеко, а здесь — в сердце того, кто умеет видеть чудо в простых вещах: в проблеске света на воде, в тропе, уходящей в лес, в шорохе листвы. Сказки не ушли. Они дышат в этих горах, текут в реке, смотрят с высоты в глазах животных. И если остановиться и прислушаться, можно услышать их тихий голос — голос вечности, говорящий языком красоты.

There are places on earth that seem less like parts of the everyday world and more like windows into another dimension — into the realm where fairy tales dwell. In the mountains, among crystal air and murmuring streams, reality dissolves into something greater than mere nature. Here water does not simply flow — it sings an ancient song. Stones do not merely lie still — they guard the memory of centuries. Forests do not merely rustle — they recount stories whispered to them by the wind.

Мир где живут сказки (худ. Ацсамаз Харебов)
The Realm Where Fairy Tales Live (art by Atsamaz Kharebov)

The painting opens onto such a realm. Warm light falls on rocks and grasses, glimmers on the horns of mountain goats that seem to have stepped straight out of myth and legend. Their silhouettes are majestic, like guardians of this enchanted land. In their eyes rests a calm wisdom, as if they know more about eternity than humankind itself. They stand at the threshold of the visible and the invisible, of the earthly and the magical.

The waterfall cascades from its rocky ledge like a celestial stream, binding the world of mortals with the world of spirits. Its roar can be heard as the voice of time: reminding us that all things pass, and all things return

again. The clear river, reflecting sky and mountains, becomes a mirror where one sees not only nature, but also oneself.

This landscape is not simply an image of mountains and animals. It is an invitation to step into a space where childhood dreams take form, where a person ceases to be merely a wanderer and becomes part of legend.

The realm where fairy tales live begins not in some faraway place, but here – in the heart of anyone who can recognize wonder in simple things: in a glimmer of light upon the water, in a path vanishing into the woods, in the rustle of leaves. Fairy tales have not vanished. They breathe in these mountains, flow in the river, and gaze from the eyes of animals. And if one pauses to listen, their quiet voice can be heard – the voice of eternity, speaking in the language of beauty.

В ЦАРСТВЕ ЧУДЕС / IN THE KINGDOM OF MARVELS

Перед нами раскрывается картина, и кажется – сам мир приглашает войти в свои тайны, в царство чудес. Река тихо струится меж камней, ее вода чиста и прозрачна, словно зеркало, в котором отражается небо и ветви деревьев. Над ней склоняется арка могучих стволов, образуя врата – врата в иной мир, где земное и небесное переплетаются.

В этом пространстве каждый звук – словно молитва, каждая тень – как строка из великой книги природы. Два оленя, стоящие у берега, кажутся хранителями этого мира.

Их рога, устремленные к небу, подобны древним символам силы и благородства, а взгляд — спокойный и ясный, словно они знают то, что нам только предстоит понять.

Но образ оленя в этой тишине — не только часть пейзажа. Для осетин он является одним из основополагающих символов культурного кода. Олень — это знак чистоты и духовного пути, фигура, глубоко укорененная в эпических преданиях. В нартовском эпосе встречаются черты древних генеалогических мифов, где олень выступает прародителем, ведущим народ к новому началу. Скифы и аланы изображали его на золотых украшениях, в росписях и резьбе, видя в нем посредника между земным и небесным. В его грации, в плавности движения, в величии рогов они улавливали дыхание вечности, стремление к свету и бессмертию.

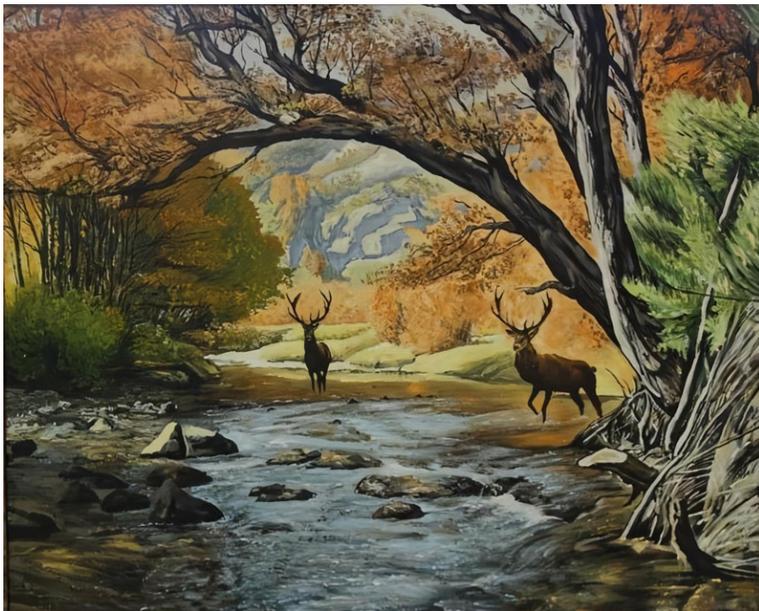
Здесь, на картине, олень словно вышел из глубин памяти, чтобы напомнить: природа и культура неразделимы. То, что мы видим перед глазами — животное у воды, — есть отражение тысячелетних мифов, которые живут в каждом народе и продолжают звучать через века.

Здесь нет суеты, нет шума — только тихое присутствие чуда. В этом царстве чудес человек перестает быть хозяином и становится путником, приглашенным в дом самой природы. Здесь он учится смирению, ощущает, что истинное богатство не в том, что можно взять, а в том, что можно созерцать и хранить в сердце.

И когда смотришь на эту картину, понимаешь: чудеса не где-то далеко, не в мифах и преданиях. Они рядом — в каждом ручье, в каждом дереве, в каждом взгляде животного. Надо лишь остановиться, вдохнуть глубже и увидеть, что мир сам по себе — великое чудо.

— — — — —

Before us unfolds a painting, and it seems as if the world itself invites us to enter its mysteries — into the kingdom of marvels. The river flows gently among the stones, its

*В царстве чудес (худ. Ацамаз Харебов)
In the Kingdom of Marvels (art by Atsamaz Kharebov)*

waters pure and transparent, like a mirror reflecting the sky and the branches of the trees. Above it, an arch of powerful trunks bends, forming a gateway – a threshold to another realm where the earthly and the celestial intertwine.

In this space, every sound is like a prayer, every shadow like a line from the great book of nature. Two deer, standing at the river's edge, appear as guardians of this world. Their antlers, raised toward the heavens, resemble ancient symbols of strength and nobility, while their calm, lucid gaze seems to hold a wisdom we have yet to grasp.

Yet the image of the deer here is not merely part of the landscape. For the Ossetians, it is one of the foundational symbols of their cultural code – a sign of purity and

spiritual ascent, a figure deeply rooted in epic traditions. In the Nart sagas, traces of ancient genealogical myths portray the deer as a forefather, guiding the people toward renewal. Among the Scythians and the Alans, it was a central figure in art, carved and engraved on gold ornaments, embodying the bridge between the earthly and the divine. In its grace, in the fluidity of its movements, in the grandeur of its antlers, they recognized eternity's breath and the striving for light and immortality.

Here, on the canvas, the deer seems to have stepped out of the depths of memory to remind us: nature and culture are inseparable. What we see before our eyes – an animal by the water – is the echo of myths carried through millennia, still alive and resonant today.

Here there is no haste, no noise – only the quiet presence of wonder. In this kingdom of marvels, man ceases to be a master and becomes a traveler, welcomed into the home of nature itself. Here he learns humility, realizing that true wealth lies not in what can be taken, but in what can be contemplated and kept within the heart.

And when you look at this painting, you understand: marvels are not distant, not confined to myths and legends. They are here – in every stream, in every tree, in every gaze of a creature. One only needs to pause, breathe deeply, and see that the world itself is the greatest of all wonders.

РАЗДЕЛ IV. МИФ И ЭПОС

МЕЧ АРТУРА / ARTHUR'S SWORD

В камне покоится клинок судьбы, озаренный светом преданий. В нем сплетаются степи и моря, голос Батраза и легенда Артура. Он не просто оружие — он память народа, ставшая мечом вечности

Перед нами картина, где меч Артура — словно застывший в вечности символ. Он воткнут в камень, и от этого камня расходитя свечение, будто сама земля хранит тайну избранности. Камень становится пьедесталом силы, а меч — осью, соединяющей небо и землю. Так видит его художник: не оружие битвы, но знак судьбы, ключ к пониманию древнего мифа.

Согласно новым исследованиям, в этом образе угадываются отголоски нартского эпоса. Меч Артура словно продолжает судьбу Батрадза — героя, который после смерти сам превратился в меч, брошенный в море..

Истинная судьба Батраза, рассказанная в сказаниях, начинается с его чудесного рождения: он появился на свет из камня, напитанного кровью его отца Хамыца, убитого

коварно и жестоко. Уже в самой этой тайне рождения был заключен его путь — стать орудием мести. Батраз свершил возмездие за смерть отца, и, исчерпав свое земное предназначение, вернулся в первостихию, слившись воедино с символом своей силы и судьбы — небесным мечом. Это был акт его собственной воли, финальное и совершенное воплощение его героической, но трагической сущности. В тот миг, когда легендарный меч летит в воду, душа и сущность Батраза покидают тело и сливаются с клинком. Он не просто умирает — он становится мечом. Его земное тело уходит, но дух, воинская сущность возвращается в стихию, из которой он был призван.

Именно этот архетип стал, по мнению ученых, мостом между аланскими преданиями и европейскими легендами. Дж. Коларуссо, Ж. Дюмезиль, К. Литтлтон и Л. Малкор отмечали, что в основе артуровского цикла лежит дофеодальный героический эпос сарматов и алан, переселившихся в Британию и Галлию в составе римских войск. Это обстоятельство оказалось столь решающим, что позволило Литтлтону и Малкор сказать:

«ядро будущей литературы об Артуре и Граале зародилось в степях древней Скифии, благодаря замечательному народу, чье влияние на историю и фольклор Запада еще предстоит оценить по достоинству».

Художник словно подтверждает это: в его картине меч Артура — это и меч Батраза, воткнутый в камень, и одновременно знак глубинной памяти народов. Здесь легенда и живопись сходятся, чтобы показать: миф не исчезает, он продолжает жить в новых образах.

Меч Артура (худ. Ацамаз Харебов)
Arthur's Sword (art by Atsamaz Kharebov)

Within the stone rests the blade of destiny,
illuminated by the light of legend. In it the steppes
and seas are entwined, the voice of Batraz and
the tale of Arthur. It is not merely a weapon –
but the memory of a people, transformed into the
sword of eternity

Before us lies the painting where Arthur's sword stands
as a symbol frozen in eternity. Driven into the stone, it
radiates a glow, as if the earth itself preserves the secret
of election. The stone becomes a pedestal of power, and the
sword – an axis uniting heaven and earth. This is how the

artist envisions it: not as a weapon of war, but as a sign of destiny, a key to the understanding of ancient myth.

According to recent research, this very image resonates with echoes of the Nart epic. Arthur's sword seems to continue the fate of Batraz – the hero who, after his death, became a sword cast into the sea.

The true destiny of Batraz, as the legends tell, begins with his miraculous birth: he was born from a stone imbued with the blood of his father Khamyts, treacherously slain. In this mysterious birth his path was already inscribed – to become the instrument of vengeance. Batraz avenged his father's death, and having fulfilled his earthly mission, returned to the primordial element, merging with the symbol of his strength and destiny – the celestial sword. It was an act of his own will, the final and perfect embodiment of his heroic yet tragic essence. In the moment when the legendary sword flies into the water, the soul and essence of Batraz leave his body and unite with the blade. He does not merely die – he becomes the sword. His earthly body perishes, but his spirit, his warrior's being, returns to the very element from which he had once been summoned.

This archetype, scholars argue, became the bridge between Alanian traditions and European legend. J. Colarusso, G. Dumézil, C. Littleton, and L. Malcor observed that the Arthurian cycle is founded upon the pre-feudal heroic epic of the Sarmatians and Alans, who had settled in Britain and Gaul within the Roman legions. This circumstance was so decisive that Littleton and Malcor could state:

«the nucleus of the future literature of Arthur and the Grail was born on the steppes of ancient Scythia, thanks to a remarkable people whose influence on the history and folklore of the West still awaits full recognition.»

The artist seems to affirm this: in his painting Arthur's sword is also Batraz's sword, set into the stone, a sign of the

deep memory of peoples. Here, legend and painting converge to show that myth does not vanish – it continues to live on in new forms.

ЯБЛОКО НАРТОВ / THE APPLE OF THE NARTS

В глубинах преданий нартов сверкает образ – яблоко нартов, золотой плод, рождающийся на вершине священного дерева словно солнце. Оно будто светится изнутри, отбрасывая мягкие отблески на все вокруг: на дерево, чьи ветви тянутся ввысь, на землю, которая хранит в себе память поколений. Фон словно дышит глубиной – от теплых тонов заката до холодных переливов небесного света. Художник показывает не вещь, а живую легенду, явленную через краски и линии.

Раз в год оно созревало, напоенное светом солнца и дыханием небес. Это было не просто яблоко – это был дар судьбы, дар единства.

Нарты собирались вместе, чтобы разделить плод. Каждый получал свою часть – и с нею силу, здоровье и долголетие. В этом таинстве дележа заключалась истина: пока яблоко принадлежало всем, нарты оставались могучими, их род был нерушим, а жизнь – светла.

Но сказание хранит и иную сторону. В души людей однажды проникла тень жадности. Одни захотели обладать яблоком только для себя, забыв, что оно принадлежит народу. Ссоры и недоверие разъедали сердца, и тогда яблоко исчезло. С его утратой ушла и несокрушимая сила нар-

тов, их единство стало зыбким, а время не пощадило их
мощи.

В этой притче заключен урок: истинная сила народа
рождается не из чудесных даров, а из умения делиться
ими. Пока плоды судьбы остаются общими, живет и народ,
а когда каждый стремится удержать их лишь для себя —
золотое яблоко исчезает, унося с собой свет и бессмертие.

Так художник видит яблоко нартов — как сияющий
символ памяти и предостережения. Оно не просто плод,
а зеркало души: в нем отражается вопрос, который
и сегодня стоит перед человечеством — способны ли мы
разделить дары земли и неба, чтобы сохранить силу
жизни?

— — — — —

In the depths of the Nart legends gleams an image — the
Apple of the Narts, a golden fruit born upon the summit
of the sacred tree like a sun. It seems to shine from within,
casting gentle reflections upon all around: upon the tree
whose branches reach upward, upon the earth that holds
within itself the memory of generations. The background
breathes with depth — from the warm tones of sunset to the
cool shimmers of celestial light. The artist reveals not
a mere object, but a living legend, embodied through colors
and lines.

Once each year it ripened, infused with the radiance
of the sun and the breath of the heavens. It was not merely
a fruit, but a gift of destiny, a gift of unity.

The Narts would gather to share the apple. Each received
a portion, and with it strength, health, and long life. In this
act of sharing lay the hidden truth: as long as the apple
belonged to all, the Narts remained mighty, their kin
unbreakable, their life filled with light.

Yet the tale preserves another side. One day the shadow
of greed entered human hearts. Some desired to keep the
apple for themselves alone, forgetting that it was meant for

Яблоко Нартов (худ. Ацамаз Харебов)
The Apple of the Narts (art by Atsamaz Kharebov)

the people. Discord and mistrust eroded the bonds of kinship, and then the apple vanished. With its loss departed the indestructible strength of the Narts, their unity became fragile, and time did not spare their might.

In this parable lies a lesson: true strength is not born of miraculous gifts, but of the ability to share them. As long as the fruits of fate remain common to all, the people endure; but when each strives to hold them only for himself, the golden apple disappears, carrying away with it light and immortality.

Thus the artist envisions the Apple of the Narts – as a shining symbol of memory and warning. It is not merely a fruit, but a mirror of the soul: in it gleams the question

that still faces humanity today – are we able to share the gifts of earth and sky, and thereby preserve the strength of life?

УАСТЫРДЖИ

На крылатом коне он спускается с небес, чтобы напомнить: путь мужчины – честь и помощь другим

На картине перед нами открывается величественное видение: в небесном сиянии, над горными вершинами, возвышается Уастырджи – седобородый всадник на своем белом крылатом коне, с крыльями света за спиной. Его фигура словно вырастает из самой вечности: золотистое свечение окружает его голову, превращая героя в символ небесного покровительства. Под ним, внизу, на фоне зеленых склонов и древних башен, собрались нарты – гордые воины, чьи взоры обращены к небесному защитнику.

Уастырджи – один из центральных небожителей осетинской традиции, покровитель мужчин, путников и воинов. В нартском эпосе он предстает в облике мудрого седобородого мужа, спускающегося с небес, чтобы проверить людей: помогают ли они друг другу в нужде и беде, знают ли, что такое честь и милосердие.

Он – посредник между Богом и людьми. Среди смертных может являться как нищий старец, чтобы испытать их сердца. Для женщин его имя под запретом, и они называют его иносказательно – «Покровитель мужчин». В Осетии ему посвящены святилища, а в ноябре в честь Уастырджи

совершаются обряды и празднества, где весь народ вспоминает о его силе и защите.

Уастырджи — враг воров, убийц, лжецов и клятвопреступников, но покровитель честных и добрых. В этом — его миссия: хранить справедливость и быть светом, к которому тянется человек в испытаниях.

Художник передает это через язык красок: небеса озарены золотым сиянием, крылья коня раскинуты, словно сама небесная сила несет Уастырджи к людям. Воины снизу, протягивающие руки и поднимающие мечи, — это не просто нарты, но образ всего народа, который ищет защиты и готов следовать за небесным покровителем.

Так картина соединяет легенду и вечность: в образе Уастырджи мы видим не только героя эпоса, но и символ верности, мужества и света, который нисходит к людям тогда, когда они больше всего нуждаются в напоминании о правде.

— — — — —

On a winged steed he descends from the skies,
to remind: the path of a man is honor and aid
to others

In the painting a majestic vision unfolds: in radiant light, above the mountain peaks, rises Uastyrdzhi — the bearded horseman upon his white winged steed, with wings of light unfurled behind him. His figure seems to emerge from eternity itself: the golden glow encircling his head turns the hero into a symbol of divine protection. Beneath him, on the green slopes where ancient towers still stand, the Narts have gathered — proud warriors, their gazes lifted toward the heavenly guardian.

Uastyrdzhi is one of the central celestial beings of Ossetian tradition, the protector of men, travelers, and

Уастырджы (худ. Ацамаз Харебов)
Uastyrdzhi (art by Atsamaz Kharebov)

warriors. In the Nart epic he appears as a wise, white-bearded figure descending from the heavens to test humankind: do they aid each other in need and sorrow, do they still know honor and compassion?

He is the mediator between God and mortals. Among people he may appear as a beggar, testing their hearts. For women his name is taboo; they address him figuratively as «the Protector of Men.» In Ossetia many sanctuaries are dedicated to him, and every November great rituals and celebrations are held in his honor.

Uastyrdzhi is the enemy of thieves, murderers, liars, and oath-breakers, yet the patron of the honest and the good. His mission is to preserve justice, to be the light to which humanity turns in moments of trial.

The artist conveys this through color and vision: the sky glows with golden radiance, the wings of the horse spread wide, as though heaven itself bears Uastyrdzhi toward humankind. The warriors below, raising their arms and swords, are not merely the Narts, but the image of a whole people, seeking protection and ready to follow their celestial patron.

Thus the painting unites legend and eternity: in the figure of Uastyrdzhi we behold not only a hero of epic lore, but the living symbol of fidelity, courage, and the light that descends to humanity when the memory of truth is most needed.

УАСТЫРДЖИ ВНЕ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА / UASTYRDZHI BEYOND TIME AND SPACE

Он не знает предела ни в небе, ни в земле — дорога его пролегает сквозь вечность. Времени нет для того, кто хранит свет: Уастырджи идет дорогой бесконечности Там, где часы теряют свой ход, является он — проводник сквозь миры

На этой картине Уастырджи предстает иначе — не как небесный всадник, явленный над земными горами, но как существо, преодолевающее границы самого мироздания. Его белый конь взвивается ввысь, сияя золотой гривой, а алый плащ развивается, словно пламя в космическом ветре. За его спиной раскрываются не небеса Осетии, а врата иных измерений: зеленый и красный свет образуют коридор, ведущий сквозь пространство и время.

Над ним парит знак вечности — перевернутая пирамида с часами. Это не просто символ хода времени: стрелки, обращенные в бездну космоса, указывают на то, что Уастырджи пребывает там, где время теряет власть. Вокруг мерцают планеты и миры, словно напоминая, что его покровительство не ограничено землей и народом — оно простирается туда, где человек только начинает постигать бесконечность.

Если в традиции Уастырджи — покровитель мужчин, путников и воинов, то здесь он предстает как хранитель самой дороги, ведущей сквозь эпохи и миры. Его испытания касаются не только помощи ближнему или верности слову — они выходят в более высокий план: способен ли человек нести правду и честь, переходя через рубежи жизни и смерти, через границы бытия?

Художник словно открывает нам тайный лик Уастыр-джи: он — не только посредник между Богом и людьми, но и проводник между временами и измерениями. Его белый конь стоит на вершине горы, а сам всадник уже не принадлежит ни земле, ни небу. Он явлен в вечности — там, где легенда и космос сливаются в единое видение.

Так Уастырджи становится образом не только осетинского небожителя, но и универсального символа: силы, что проверяет человека, куда бы ни простирался его путь — в долинах земных или в безбрежных просторах Вселенной.

— — — — —

He knows no boundary in heaven or on earth —
his road stretches through eternity. For the keeper
of light, there is no time: Uastyrdzhi rides upon
the path of infinity. Where clocks lose their
motion, he appears — the guide through worlds

In this painting Uastyrdzhi appears in another form — not as the heavenly horseman revealed above earthly mountains, but as a being who transcends the boundaries of creation itself. His white steed rises upward, its golden mane ablaze with light, while his red cloak streams behind him like fire in the cosmic wind. Behind him unfold not the skies of Ossetia, but gateways to other dimensions: green and crimson beams form a corridor that leads through space and time.

Above him hovers the sign of eternity — an inverted pyramid with a clock. It is not merely the symbol of passing hours: its hands, pointing into the abyss of the cosmos, reveal that Uastyrdzhi dwells where time itself has no dominion. Around him shimmer planets and spheres, as though to remind us that his guardianship is not confined to earth and people, but extends even into realms where humanity only begins to grasp infinity.

Уастырдж и вне времени и пространства
(худ. Ацамаз Харебов)
Uastyrdzhi Beyond Time and Space
(art by Atsamaz Kharebov)

If in tradition Uastyrdzhi is the protector of men, travelers, and warriors, here he is revealed as the guardian of the road itself – the path that leads across ages and worlds. His trials no longer concern only help to one's neighbor or loyalty to an oath – they rise to a higher plane: can a human carry truth and honor across the thresholds of life and death, across the boundaries of existence itself?

The artist seems to unveil a hidden face of Uastyrdzhi: he is not only the mediator between God and mortals, but

also the guide between times and dimensions. His white steed stands upon the mountaintop, while the rider belongs neither fully to earth nor sky. He is revealed in eternity – where legend and cosmos merge into one vision.

Thus Uastyrdzhi becomes not only an Ossetian celestial figure, but a universal symbol: a power that tests humanity wherever its path may lead – through earthly valleys or into the boundless expanses of the Universe.

НАРТ АЦАМАЗ / NART ATSAMAZ

Золотая свирель поет, и мир склоняется к ее звуку. Звери и птицы танцуют вместе, горы и небо дышат в унисон. Музыка сильнее меча, она соединяет все живое

Перед нами картина, словно живая симфония природы. В центре – юноша в свете сияния, под сенью могучего древа, увенчанного золотыми плодами. Его руки подняты к губам, и звучит золотая свирель – тот самый волшебный дар, что оставил ему отец, нарта Аца, через руку божества Афсати. От свирели струится музыка, и сама картина наполняется ее дыханием.

Вокруг Ацамаза собрались все создания земли. Львы и олени, слоны и медведи, птицы и рыбы, звери гор и степей – каждый слушает, каждый живет в ритме его мелодии. Птицы расправляют крылья, словно танцуя в воздухе; звери склоняют головы, замороженные звуками. Даже дерево над ним не просто стоит – оно кажется поющим, его

плоды сияют как солнца, а ветви тянутся ввысь, соединяя землю и небеса.

В этом видении раскрывается суть героя. Ацамаз — не воин и не охотник, его сила в другом: в музыке, что пробуждает мир, в даре соединять живое. Его искусство способно заставить горы двигаться, а светила сиять ярче. Но и его судьба отмечена печатью драмы: любовь к Агунде, дочери Сайнаг-Алдара, зазвучала в его сердце как новый аккорд. Не встретив взаимности, он разбил свою свирель на куски. Но Агунда собрала осколки, и чудесный инструмент вновь зазвучал, пленив весь мир.

На картине художник передает именно этот момент — триумф гармонии, когда музыка Ацамаза объединяет все живое. Здесь нет вражды и страха, нет разделений. Только единство, рождаемое звуком золотой свирели.

Над деревом, вокруг которого собралось все живое, словно написано в воздухе имя: «Нарт Ацамаз». Это не просто имя героя, а знак того, что в нем соединяются легенда и сама природа. Его музыка — это дыхание земли и песнь небес, а его судьба — напоминание, что истинная сила заключается не только в оружии, но и в том, что способно зажечь душу и объединить мир.

— — — — —

The golden flute sings, and the world bows to its
sound. Beasts and birds dance together,
mountains and sky breathe as one. Music is
stronger than the sword, it binds all living things

Before us lies a painting like a living symphony of nature. At its center stands a young man bathed in radiant light, beneath the canopy of a mighty tree crowned with golden fruits. His hands are raised to his lips, and the golden flute resounds — the wondrous gift left to him by his father Atsa, bestowed through the hand of the deity Æfsati. From

Нарт Ацамаз (худ. Ацамаз Харебов)
Nart Atsamaz (art by Atsamaz Kharebov)

the flute flows music, and the canvas itself seems filled with its breath.

Around Atsamaz all the creatures of the earth have gathered. Lions and deer, elephants and bears, birds and fish, the beasts of mountain and steppe — each listens, each moves in the rhythm of his melody. Birds spread their wings as though dancing in the air; animals bow their heads, enchanted by the sound. Even the great tree above him does not simply stand — it seems to sing, its fruits glowing like suns, its branches stretching upward to join earth and sky.

In this vision the essence of the hero is revealed. Atsamaz is not a warrior nor a hunter; his power lies elsewhere: in music that awakens the world, in the gift of binding all life together. His art can move mountains and make the sun and moon shine brighter. Yet his destiny bears the mark of drama: his love for Agunda, daughter of Sainag-Aldar, sounded in his heart as a new chord. When she did not return his love, he shattered his flute to pieces. But Agunda gathered the fragments, and the wondrous instrument once again sang, enchanting the world.

The painting captures this very triumph of harmony – when Atsamaz’s music unites all living beings. Here there is no fear, no enmity, no division. Only unity, born of the song of the golden flute.

Above the tree, around which all living beings have gathered, the name shines in the air: «Nart Atsamaz». It is not only the name of a hero, but the sign that in him legend and nature converge. His music is the breath of the earth and the song of the heavens, and his destiny reminds us that true strength lies not only in weapons, but in what can ignite the soul and bring the world together.

БОЙ НАРТА БАТРАДЗА С ПАРАЛЛЕЛЬНЫМ МИРОМ / THE BATTLE OF NART BATRADZ WITH THE PARALLEL WORLD

На картине Батрадз предстает в предельном напряжении сил. Его фигура словно соткана из металла и пламени: тело, закаленное в воде кузнеца Курдалагона, горит внутренним светом. Длинный меч сверкает, пронзая пространство, а волосы, охваченные огнем, развеваются, превращаясь в поток живого пламени.

Перед ним — не враг из плоти и крови, а сияющая стена иного мира. Огромный круг света, ослепительный и беспощадный, стоит как граница между реальностями. Батрадз врывается в эту грань, его рука пронзает преграду, будто сам воин бросает вызов самой судьбе и законам мироздания. Осколки скал под ногами разлетаются, как символ того, что земная твердь не способна удержать героя, чья сила устремлена в запредельное.

В нартских сказаниях Батрадз был рожден для мести. Его закалили в нечеловеческих условиях, и он стал непобедимым, за исключением единственного уязвимого места — там, где кузнец держал его щипцами. Отомстив убийцам отца, он выполнил свое предназначение. Но после этого остался без цели, и его сила, некогда дарующая справедливость, обратилась в разрушение. Батрадз потребовал власти над нартами, но гордый народ отказался. Тогда он восстал против них, и его гнев едва не уничтожил сам нартский род.

Художник изображает этот момент символически: Батрадз не сражается с врагами, а с самим параллельным миром — с зеркалом, которое отражает его собственную

неукротимую силу. Его битва — это битва с собой, с пустотой, оставшейся после свершенной миссии. Это трагедия героя, чья мощь оказалась больше, чем требовала жизнь, и чья судьба — не только победа, но и разлад с самим собой и своим народом.

Картина превращает эпос в философский образ: каждый человек, достигнув вершины силы, сталкивается с границей — что делать дальше, когда цель исполнена? И не станет ли его собственная энергия разрушительной, если ее не направить в созидание?

— — — — —

In the painting Batradz appears in the ultimate tension of power. His figure seems forged of metal and flame: a body hardened in the waters of the smith Kurdalagon, burning with an inner light. His long sword flashes as it pierces through space, while his fiery hair streams outward like a torrent of living fire.

Before him stands not an enemy of flesh and blood, but a radiant wall of another world. A great circle of blinding light rises as the boundary between realities. Batradz hurls himself against it, his hand piercing the barrier, as if the warrior were defying destiny itself and the laws of creation. The rocks beneath his feet shatter into fragments, symbols of the earth's inability to contain a hero whose strength surges beyond mortal limits.

In the Nart sagas Batradz was born for vengeance. Hardened under inhuman trials, he became invincible, save for a single vulnerable place — where the smith held him with the tongs. After avenging the murderers of his father, his purpose was fulfilled. But with his mission complete, his power turned to a curse. Batradz demanded to rule over the Narts, yet the proud people refused. Enraged, he turned against them, and his wrath nearly brought their destruction.

The artist renders this moment symbolically: Batradz does not fight enemies, but the parallel world itself —

Бой Батрадза с параллельным миром (худ. Ацамаз Харебов)
The Battle of Batradz with the Parallel World
(art by Atsamaz Kharebov)

a mirror reflecting his own unyielding force. His battle is with himself, with the void left after his mission was done. It is the tragedy of a hero whose power exceeded what life required, whose fate was not only triumph but conflict with his own people and with his own being.

The painting transforms epic into philosophy: every human, reaching the summit of strength, encounters a boundary – what comes after the goal is fulfilled? And will their own power become destructive if it is not guided toward creation?

НАРТ СОСЛАН В СТРАНЕ МЕРТВЫХ / NART SOSLAN IN THE LAND OF THE DEAD

Врата откроются – и мрак заговорит, огонь
и змеи станут дорогой. Но тот, кто ищет истину
в тени, найдет ее в собственном сердце

Перед нами картина, где переплетаются реальность и видения, земля живых и страна мертвых. Все пространство холста словно разворачивается как огромное око судьбы, в чьем взгляде отражены муки и тайны иного мира.

Сослан, нартский герой, внизу картины восседает на черном коне, въезжая в царство Барастыра. Его путь проходит через врата, ведущие не в обыденность, но в мир, где смерть становится пространством испытаний. Вокруг – жуткие картины: висящие на деревьях и столбах тела, из-под которых горят вечные костры из раскаленных

камней; озеро, кишашее змеями и жабами, где люди мучительно плавают среди нечисти; странные процессии душ, бредущие к свету и обратно.

Среди этих образов появляется Ведуха, его умершая жена, — не как призрак печали, но как проводница. Она добывает для Сослана листья с дерева Аза, что растет лишь в стране мертвых, и дарит ему единственный шанс на возвращение. Но ее слова звучат как приговор и предостережение: живой не может оставаться в царстве мертвых, но и мертвые не должны вырваться в мир живых. Чтобы обмануть их, подковы коня Сослана переворачиваются задом наперед. Следы копыт станут ложным путем, и мертвецы, бросившиеся вдогонку, вернутся обратно, не найдя выхода.

Взгляд картины устремлен внутрь этой мистерии: на холсте мы видим не только путешествие героя, но и карту человеческой души. Сослан проходит сквозь страх, искушения и тоску, но не для того, чтобы владеть богатством или властью, а чтобы выполнить обет и испытать самого себя. Его странствие — символ дороги каждого человека к запретной черте, где обнажается самое сокровенное: способность отказаться от соблазна, услышать совет, вернуться, не утратив себя.

Художник соединяет все это в единый космос образов: горы, подземные реки, глаза судьбы, фигуры мучеников и стражей — все собрано в целое, где смерть становится зеркалом жизни. И в этом зеркале фигура Сослана — это не только герой эпоса, но и образ вечного странника, которому суждено искать путь между светом и тьмой, жизнью и смертью, надеждой и отчаянием.

— — — — —

Нарт Сослан в стране мертвых (худ. Ацамаз Харебов)
Nart Soslan in the Land of the Dead (art by Atsamaz Kharebov)

The gates will open – and darkness will speak,
fire and serpents become the path. Yet he who
seeks truth in the shadow shall find it within his
own heart

Before us is a painting where reality and vision intertwine, where the land of the living meets the realm of the dead. The whole canvas unfolds like a vast eye of destiny, in whose gaze are reflected the torments and mysteries of the other world.

At the lower part of the painting, Soslan, the Nart hero, rides a black steed into the kingdom of Barastyr. His path leads not into the ordinary, but into the domain where death itself becomes the space of trials. Around him stretch haunting scenes: bodies hanging from trees and pillars, beneath which burn eternal fires of heated stones; a lake swarming with serpents and frogs, where men and women struggle in endless torment; processions of wandering souls moving toward the light and back into shadow.

Amid these visions appears Vedukha, his deceased wife – not as a phantom of sorrow, but as a guide. She brings Soslan the leaves of the Az-tree, which grow only in the land of the dead, and grants him the sole chance to return. Yet her words are both warning and judgment: no living man may remain in the realm of the dead, nor may the dead be allowed to escape among the living. To deceive them, Soslan's horse is shod with reversed horseshoes. The prints of its hooves will point the wrong way, and the dead, chasing after him, will be lured back into Barastyr's domain.

The gaze of the painting is drawn into this mystery: on the canvas we see not only the hero's journey, but a map of the human soul. Soslan passes through fear, temptation, and sorrow, not to claim riches or power, but to fulfill a vow and test his own being. His wandering becomes the symbol of humanity's path toward the forbidden threshold, where

the deepest truth is revealed: the strength to refuse temptation, to heed wise counsel, to return without losing oneself.

The artist gathers all of this into a cosmic vision: mountains, subterranean rivers, the eyes of fate, the figures of martyrs and guardians – all woven into a whole where death becomes the mirror of life. And in that mirror Soslan stands not only as a hero of epic, but as the image of the eternal wanderer, destined to search for the road between light and darkness, life and death, hope and despair.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый путь имеет свои вехи. Но искусство — это дорога, у которой нет конца. Второй том завершает наше путешествие по мирам Ацамаза Харебова, но лишь условно: картины и мысли, собранные здесь, продолжают жить за пределами книги.

В этом томе миф встретился с современностью, эпос — с личным переживанием, природа — с философией. И все эти линии сложились в единое полотно, где человек вновь обнаруживает себя — среди гор и морей, среди героев и символов, среди тишины и света.

Закрывая страницы книги, мы понимаем: истинное искусство не укладывается в переплет. Оно продолжается в памяти и во взгляде, в разговоре и в молчании, в том, что рождается в душе после встречи с полотном.

Искусство Ацамаза — это приглашение. Приглашение видеть глубже, чем позволяют глаза; слышать тишину; помнить древнее и открывать новое; не бояться задавать вопросы, на которые нет готовых ответов.

Может быть, именно в этом и есть главный смысл его картин: они не обещают покоя, но дарят путь. Путь, где каждый зритель становится путником, а каждая встреча с искусством — новой вехой в личном странствии.

Так завершается книга, но не завершается история. Она продолжается – в жизни художника, в памяти народа, в каждом человеке, который открывает эти страницы и видит в них собственное отражение.

Every journey has its milestones. Yet art is a road without end. This second volume brings our journey through the worlds of Atsamaz Kharebov to a close – but only in appearance: the paintings and reflections gathered here continue to live beyond the boundaries of the book.

In this volume, myth met modernity, epic met personal experience, nature met philosophy. All these lines wove together into a single canvas, where once again a human being discovers themselves – among mountains and seas, among heroes and symbols, among silence and light.

As we close these pages, we realize: true art cannot be contained within a binding. It continues in memory and in vision, in conversation and in silence, in what awakens within the soul after encountering a canvas.

The art of Atsamaz is an invitation. An invitation to see deeper than the eyes allow; to hear silence; to remember the ancient and to discover the new; to dare ask questions for which there are no ready answers.

Perhaps this is the very essence of his work: the paintings do not promise rest, but they offer a path. A path where every viewer becomes a traveler, and every encounter with art is a new milestone in one's personal journey.

Thus the book comes to an end, but not the story. It continues – in the life of the artist, in the memory of his people, and in every person who opens these pages and sees within them their own reflection.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга родилась благодаря участию и доброте многих людей. В каждой странице — не только вдохновение художника и труд составителей, но и поддержка тех, кто шел рядом: советом, вниманием, словом.

Мы выражаем глубокую благодарность семье Ацамаза Харебова — за доверие и веру, за то, что позволили прикоснуться к его наследию и разделить его с читателем. Мы благодарны друзьям художника — тем, кто разделяет с ним путь творчества, кто ощущает его внутренний свет и откликается на него сердцем. Благодаря их участию и доброте мы лучше понимаем живую силу его искусства. Мы благодарим коллег и исследователей, чьи труды о нартском эпосе и культуре Осетии стали важным фоном для этой книги.

Особая благодарность тем, кто помогал в практических делах — в подготовке иллюстраций, в редактировании текстов, в верстке, в организации выставок. Каждое усилие стало частью общего дела.

Но благодарность принадлежит не только людям. Мы склоняем головы перед самой землей Осетии, перед ее горами и реками, перед ее традициями и преданиями. Именно они вдохновляли художника и вдохновляли нас. Без этой земли не было бы этих картин.

Мы благодарим и читателя, который открыл эту книгу. Ведь искусство живо только в диалоге. Каждая встреча с картиной завершается в душе зрителя. Вы — продолжение этой книги, ее соавтор.

Пусть эта благодарность станет признанием: творчество — это всегда совместный труд, а искусство — дар, который принадлежит всем.

This book was born through the kindness and participation of many people. Within each page lives not only the artist's inspiration and the compilers' work, but also the support of those who walked beside them — offering advice, attention, and words of encouragement.

We express our deep gratitude to the family of Atsamaz Kharebov — for their trust and faith, for allowing us to touch his legacy and share it with the reader. We are grateful to the artist's friends — those who share his creative path, who feel the inner light of his spirit and respond to it with their hearts. Through their presence and kindness, we come to understand more deeply the living power of his art. We thank colleagues and researchers whose studies of the Nart epic and the culture of Ossetia became an important foundation for this book.

Special thanks go to those who assisted in practical matters — in preparing illustrations, editing texts, typesetting, and organizing exhibitions. Each contribution became part of the whole.

But our gratitude is not only to people. We bow our heads before the land of Ossetia itself — before its mountains and rivers, its traditions and legends. It was they that inspired the artist, and they that inspired us. Without this land, these paintings would not exist.

And we thank the reader who has opened this book. For art lives only in dialogue. Every encounter with a painting is

completed in the soul of the viewer. You are the continuation of this book – its co-creator.

May this acknowledgment serve as a reminder: creativity is always a shared endeavor, and art is a gift that belongs to all.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Нартский эпос и современность	7
Раздел I. Пейзажи Осетии	10
Село Борджнис, у водополя / The Village of Bordjnis, at the Watering Place	10
Осень / Autumn	13
Осень в горах / Autumn in the Mountains	16
Первый снег / The First Snow	19
По дороге в Кваиса / On the Road to Kvaisa	22
Горы Южной Осетии / Mountains of South Ossetia ..	25
Село Ерман, Южная Осетия / The Village of Yerman, South Ossetia	29
В горах Осетии, село Едис / In the Mountains of Ossetia, the Village of Edis	32
Загадочные камни / Mysterious Stones	35
Село Джер, Южная Осетия / The Village of Djer, South Ossetia	38
Лето в горах / Summer in the Mountains	41
Горный ручей / Mountain Stream	43
Раздел II. Крымский цикл	47
Крым, вечер в Понизовке / Crimea, Evening in Ponizovka	47
Крым, загадочный вечер / Crimea, Mysterious Evening	50
Крым, Понизовка / Crimea, Ponizovka	53
Гурзуф / Gurzuf	56
Гурзуфский этюд / Gurzuf Sketch	59
Крым, Симеиз / Crimea, Simeiz	61

Крым, гора Кошка / Crimea, Mount Koshka	64
Крым. Перед грозой / Crimea, Before the Storm	67
Ялта / Yalta	70
Раздел III. Философские образы и лирика	73
Ожидание / Expectation	73
Ностальгия / Nostalgia	75
Март / March	78
Осенний этюд / Autumn Sketch	80
Мир где живут сказки / The Realm Where Fairy Tales Live	83
В царстве чудес / In the Kingdom of Marvels	86
Раздел IV. Миф и эпос	90
Меч Артура / Arthur's Sword	90
Яблоко Нартов / The Apple of the Narts	94
Уастырджи	97
Уастырджи вне времени и пространства / Uastyrdzhi Beyond Time and Space	101
Нарт Ацамаз / Nart Atsamaz	104
Бой нарта Батрадза с параллельным миром / The Battle of Nart Batradz with the Parallel World	108
Нарт Сослан в стране мертвых / Nart Soslan in the Land of the Dead	111
Заключение	116
Благодарности	118

Виктор Харебов
Марина Харебова

Сияющие миры Ацамаза Харебова
Искусство, миф и вечность

Иллюстратор Ацамаз Харебов

Картины Ацамаза Харебова раскрываются как диалог искусства с мифами и культурой. В них слово и образ открывают вечные темы памяти, легенды и истории, превращаясь в размышление о том, как художественное видение соединяет земное и небесное.

The paintings of Atsamaz Kharebov unfold as a dialogue between art, myth, and culture. In them, word and image reveal timeless themes of memory, legend, and history, becoming a meditation on how artistic vision unites the earthly and the celestial.

ISBN 978-5-0068-2466-9

Rideró

Rideró.ru – издай
книгу бесплатно!